Горячая пора в Фэрмаунтской средней школе

Вернор Виндж

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ «Горячая пора в Фэрмаунтской средней школе» отражает довольно консервативный взгляд на наше ближайшее будущее. Автор надеется, что со временем из этой вещи вырастет полноценный роман.

«Hugo Award», 2002 — «Лучшая повесть» («Best Novella»).

- Вернор Виндж
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22
  - ○ 23
  - ○ 24
  - ○ 25
  - ○ 26
  - ○ 27
  - ○ 28
  - ○ 29
  - ○ 30
  - ○ 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41

Вернор Виндж
Горячая пора в Фэрмаунтской средней школе

Маленькие голубые пилюли Хуан держал в неактивном углу спальни. Они были на самом деле крошечные, изготовленные на заказ в лаборатории, которая не видит необходимости в инертных наполнителях или красивой упаковке. Хуан был вполне уверен, что они голубые — учитывая, что он по принципиальным соображениям старался на них не смотреть, даже когда не находился в сети. Всего одна пилюля в неделю обеспечивала ему остроту восприятия и мышления, в которой он нуждался…

В последнюю неделю сессии в Фэрмаунтской средней школе[1] всегда начинался хаос. Девиз нынешней школы гласил: «Сдохни, но иди в ногу со временем», и ребята считали, что в первую очередь это касается преподавателей. Сегодня утром начались экзамены — а начались они с экзамена по математике у миссис Уилсон, который прошел без сучка и задоринки. Однако уже к обеду весь персонал стоял на ушах: директор Алькальд назначил присутственное собрание. И это во время, специально отведенное для подготовки!

Почти все восьмиклассники столпились в скрипучем деревянном актовом зале. Когда-то это место использовали для конноспортивных праздников. Хуану казалось, что он еще чувствует запах лошадей. За крошечными окнами виднелись холмы, окружающие кампус. Острые копья солнечных лучей пронзали вентиляционные отверстия и застекленную крышу. В некоторых отношениях комнату без всякого преувеличения можно было назвать таинственной.

Вошел директор Алькальд, на вид такой же грозный и напористый, как и всегда, и жестом призвал свою аудиторию продемонстрировать видимость согласия с собственным мнением. В восприятии Хуана освещение в комнате стало мягче, самые глубокие тени исчезли.

— Лучше бы Алькальд забил на «голый экзамен», — Берти Тодд ухмыльнулся. Он всегда ухмылялся, когда проблемы касались не только его одного. — Я слышал, некоторые родители собираются устроить Большую Бучу.

— Зуб даю, — ответил Хуан. — Ты знаешь, как мистер Алькальд к этому относится.

— Вот-вот, — образ Берти, восседающий на стуле рядом с

Хуаном, ссутулился.

Директор Алькальд держал длинную речь о быстро меняющемся мире и о том, что Фэрмаунту необходимо проводить революционные изменения от семестра к семестру. В то же время нельзя никогда забывать основное предназначение современного образования, которое должно учить детей учиться, задавать вопросы и адаптироваться в окружающем мире — и все это не теряя моральных ориентиров.

Старая песня. Хуан слушал вполуха; куда интереснее было осматривать аудиторию. Это было присутственное собрание, так что почти каждый — за исключением Берти Тодда — *действительно* здесь присутствовал. Берти был «дистанционником» и на самом деле жил в Чикаго; таких студентов было несколько. Его родители платили немереные деньги за виртуальную регистрацию — при том, что школы Фэрмаунта не пользовались хорошей репутацией. Что же касается остальных присутствующих… да, в реальности этих свежих мордашек тринадцатилетних парней и девчонок сомневаться не приходилось. У мистера Алькальда было весьма строгое представление о внешнем виде учащихся: ни косметики, ни разнообразия в одежде. И все же… Неукоснительного соблюдения этих предписаний добиться не удавалось. Хуан расширил степень визуальных допущений, включив всевозможные отклонения и искажения. Вряд ли мистер Алькальд пришел бы в ярость, если бы тоже стал свидетелем этого зрелища. Так, несколько привидений и ярких надписей в стиле граффити, плавающие по комнате. Какие-то кошки-вспышки возникали и исчезали в течение доли секунды — возможно, это были сверхнеуловимые оборотни… Но нет: двухголовые фантомы, которые с торжествующим видом отплясывали позади директорской кафедры, сохраняли стабильность секундами. Вероятно, мистер Алькальд все-таки кое-что видел, однако взял себе за правило: пока ученики делают вид, что ничего не происходит, он будет поступать точно так же.

Замечательно, база подготовлена, и мистер Алькальд перешел в наступление… то есть к делу.

— Этим утром вы сдали экзамен по математике, и большинство из вас уже получили отметки. Мисс Уилсон говорит, что довольна вашей работой; результаты не слишком повлияют на расписание этой недели. Завтра утром будет выпускной экзамен.

О да. Приготовьтесь выучить нечто скучное, но выучить быстро, очень быстро. Большинство учеников от такого выворачивало, но Хуан знал: с маленькими голубыми пилюлями

ему эта задача нипочем.

— Скоро у вас начнутся два параллельных экзамена. На подготовку к ним у вас весь конец недели. Чуть позже я остановлюсь на этом подробнее. В общих словах: один экзамен — это проведение свободного исследования. Вы можете пользоваться любыми легальными ресурсами…

— Класс, — голос Берти мягко прозвучал прямо над ухом Хуана. Каждый из присутствующих выражал чувства по-своему, но чувство было одно: казалось, весь зал разом вздохнул с облегчением.

Мрачную физиономию мистера Алькальда смяла улыбка — редкое явление.

— Это всего лишь означает, что мы ожидаем от вас чего-то экстраординарного.

Чтобы сдать экзамен, команда должна была сделать взнос — в размере трехкратной стоимости обучения с каждого участника. Хотя они могли пользоваться любой поддержкой, какую только удавалось найти, у большинства студентов не было денег, чтобы оплатить весь курс.

— Два параллельных экзамена заменяют обычные тесты визуальной коммуникации, языковых навыков и навыков самостоятельности. Некоторые из ваших родителей просили совместить большее количество экзаменов, но учителя считают иначе: когда вам тринадцать лет, лучше сосредоточиться и делать меньше, но лучше. У вас еще будет масса времени, чтобы устроить у себя в голове настоящую кашу. Параллельно будет проходить экзамен… Мисс Вашингтон?

Пэтси Вашингтон встала, и Хуан понял, что она, как и Берти, присутствует здесь только в виде изображения. Пэтси училась в Сан-Диего, и ей не вменялось в обязанность лично присутствовать на присутственном собрании… *Хм.*

— Итак, — начала она. — Прежде чем мы продолжим разговор о параллельных экзаменах, я хочу вас спросить о тесте «голых навыков».

Берти послал Хуану ухмылку, которая означала: «Это будет любопытно».

Пристальный взгляд Алькальды оставался невозмутимым.

— «Тест навыков самостоятельности», мисс Вашингтон. Там нет ни слова о *наготе.*

— Там быть не только эти слова, сэр, — сейчас Пэтси говорила на безупречном английском и без малейшего намека на то ехидство, благодаря которому она стала в своей компании настоящей королевой. Ее внешность, ее голос, а вот выражения и движения… Хуан проверил внешний сетевой трафик. Там можно

найти много всякой всячины, но, как он и ожидал, в основном простые вопросы и столь же простые ответы. В течение секунд десяти успевало пройти несколько сессий. Сессия Берти была одной из двух самых старых. Другая принадлежала Пэтси Вашингтон — по крайней мере, она была помечена ее персональным сертификатом. Использование чужой индивидуальности было категорически запрещено в Фэрмаунте, но если кто-то из родителей пользовался образом собственного чада, школа ничего не могла с этим поделать. Хуан увидел отца Пэтси. Не исключено, что мистер Алькальд хотел сказать ему что-то такое, что не мог бы высказать лично. Фальшивая Пэтси неуклюже перегнулась через спинку стула в следующем ряду.

— Действительно, — продолжала она, — это еще хуже, чем нагота. Все они… то есть мы… жили в окружении цивилизации. И чертовски хорошо научились пользоваться тем, что она нам дает. Теперь вы, яйцеголовые теоретики, решили: ай, как славно было бы отбросить все это и заставить нас рискнуть…

— Мы не заставляем никого рисковать… мисс Вашингтон, — мистер Алькальд продолжал говорить по-испански. На самом деле, господин директор не знал ни одного языка, кроме испанского; он вообще был с прибабахом, этот мистер Алькальд. — Мы в Фэрмаунте считаем, что навыки самостоятельности необходимы в качестве последнего резерва. У нас здесь не Эмиш[2], но мы уверены, что каждый разумный человек способен выжить в условиях определенных ограничений — без сетей и даже без компьютеров.

— А потом вы будете учить нас делать каменные топоры! — бросила Пэтси.

Мистер Алькальд сделал вид, что не слышал.

— Нам необходимо, чтобы наши учащиеся могли хорошо справляться с неприятностями и даже серьезными проблемами. Если они не смогут, значит, мы не обеспечили им надлежащий уровень образования! — он выдержал паузу и окинул помещение орлиным взглядом. — Но это не школа выживания. Мы не собираемся забрасывать вас в джунгли. Ваш тест по навыкам самостоятельности пройдет в безопасном месте, которое устроит руководство вашего факультета — может быть, в Эмише, а может быть, в каком-нибудь пригороде, где предпочитают жить по старинке. В любом случае, вы окажетесь в отличных условиях, в безопасной среде. Возможно, вы будете поражены теми озарениями, которые посетят вас благодаря этой совершенной, старомодной простоте.

Пэтси скрестила руки на груди и бросила на мистера Алькальда свирепый взгляд.

— Полный бред, но… будь по-вашему. Еще вопрос. В ваших рекламных проспектах столько написано про современные навыки. Предполагается, что параллельные экзамены показывают, чему научились выпускники. И как вы собираетесь совмещать с чем-то экзамен, на котором ваши ученики не смогут пользоваться никакими техническими устройствами? Ну?

С минуту мистер Алькальд пристально смотрел на Пэтси, его пальцы выбивали по кафедре барабанную дробь. У Хуана возникло ощущение, что спор между ними продолжается, и весьма яростный. Папочка Пэтси — если допустить, что это был он — явно вышел за рамки дозволенного. Наконец, директор тряхнул головой.

— Вы не поняли, что мы вкладываем в понятие «параллельный». Мы не имеем в виду, что все члены команды постоянно работают одновременно. Просто экзамен происходит одновременно с другим видом деятельности — точно так, как это происходит на большинстве рабочих мест в нынешнем мире, — он пожал плечами. — В любом случае, вы имеете право пропустить последнее испытание, взять копию документа об образовании и обратиться куда-нибудь в другое место.

Якобы-Пэтси слегка кивнула и плюхнулась на стул. Вид у нее был весьма сконфуженный; очевидно, ее папочка вернул ей контроль над собственным образом — после того как использовал его и выставил полной дурой. *Супер.*

Берти выглядел слегка недовольным, хотя Хуан сомневался, что причиной тому было сочувствие к Пэтси.

Через минуту мистер Алькальд продолжал:

— Возможно, сейчас самое время, чтобы поднять тему боди-пирсинга и наркотиков, — он обвел аудиторию долгим взглядом. Хуану показалось, что этот пристальный взгляд на мгновение задержался на нем. *Caray[3], он догадывается о пилюлях!* — Как вы знаете, в школах Фэрмаунта запрещены все виды боди-пирсинга. Когда вы вырастете, то сможете сами решать, что вам носить. Но пока вы здесь — никакого пирсинга, никаких серег, никаких колец вокруг глаз. Внутренний пирсинг также является основанием для немедленного отчисления. Даже если вы совершенно не уверены в своих силах… *даже не пытайтесь* провести нас с помощью имплантантов или наркотиков.

Никто не стал задавать вопросов по этой теме, но Хуан слышал шепотки, видел, как вспыхивают пылинки в лучах коммуникационных лазеров и как происходит обмен картинками по личным каналам связи. Мистер Алькальд по-прежнему делал вид, что ничего не замечает.

— Итак, с вашего позволения, я расскажу вам о втором из

параллельных экзаменов, после чего вы свободны. Мы называем это «локальным проектом»[4]. Вы можете использовать собственные вычислительные ресурсы и даже местную сеть. Однако члены вашей команды должны *физически* работать вместе. Дистанционное участие запрещено. Также запрещена любая поддержка со стороны — равно как и использование глобальной сети.

— Блин, — сказал Берти, совсем расстроенный. — Вечно высосут из пальца какую-нибудь идиотскую хрень…

— Мы не сможем работать вместе, Берти.

— А это мы еще посмотрим! — Берти вскочил и замахал руками, привлекая к себе внимание.

— А, мистер Тодд?

— Он, сэр, — голос Берти, предназначенный для общества, был мягким и приятным. — Как вам известно, я иногородний. У меня здесь масса друзей, и всех я знаю как облу… как любой из учащихся. Само собой, ни с одним из них я не сталкивался — по-настоящему — нос к носу, поскольку живу в Чикаго. Как мы можем разрешить такую ситуацию? Честное слово, я не хочу оказаться в стороне на этой стадии заключительных испытаний только потому, что физически не присутствую здесь, в Сан-Диего. Я был бы счастлив принять определенные ограничения на линию связи и выиграть даже в таких условиях.

Мистер Алькальд кивнул.

— В этом нет необходимости, мистер Тодд. Вы оказались в невыгодном положении, и мы примем это во внимание. Мы договорились о сотрудничестве с Академией Андерсен в Сент-Чарльзе. Они будут…

Академия Андерсен в Сент-Чарльзе? О да, это в Иллинойсе — Берти предстоит маленькая автомобильная прогулка. У ребят в Андерсене большой опыт командных проектов… Назад в двадцатый век — вернее, в каменный. В принципе, они куда круче Фэрмаунта, но их академия на самом деле больше похожа на высшую школу для старших. Там ребятам по семнадцать-восемнадцать лет… Бедняга Берти. Хуан поймал нить размышлений мистера Алькальда.

— Они будут рады принять вас… — слабое подобие улыбки. — На самом деле, думаю, им будет небезынтересно узнать, на что способны наши лучшие ученики.

Лицо Берти скривилось — это должно было изображать радость и воодушевление — и он снова опустился на кресло рядом с Хуаном. От дополнительных комментариев он воздержался — даже лично Хуану ничего не сказал…

Остальная часть собрания была посвящена в основном

изменениям в содержании экзамена, вызванным, главным образом, текущими делами и состоянием внешних ресурсов — экспертных и технических, которые школа привлекала для всех остальных экзаменов. Ради этого не стоило устраивать собрание; обычно Алькальд сообщал такие вещи лично. Хуан пропустил все объявления и погрузился в размышления о предстоящем бедствии, которое омрачит его неделю: они с Берти Тоддом были лучшими друзьями почти два семестра. В команде Берти он обычно совмещал роли команды болельщиков и группы поддержки. Но порой у него случались приступы молчаливой ярости, и часто эту ярость вызывали вещи, которые Хуан был не в состоянии изменить. *Как сейчас.* Будь Хуан таким же Великим Отморозком, как Берти, они не разговаривали бы несколько суток.

* * *

Когда толпа восьмиклассников вырвалась из зала, было почти четыре часа пополудни. Обычно в такое время занятия уже заканчивались. Ребята сбивались кучками и кругами бродили по лужайке перед актовым залом. Конец семестра был так близок, теплый солнечный свет — так восхитителен. Еще несколько дней — и лето, и новый сезон муви-игр. Но *caray,* надо еще пройти через выпускной экзамен, и каждый это знал. Но пока все шутили, болтали, бездельничали, изучали изменения в расписании экзаменов и строили грандиозные планы.

Хуан плелся через толпу за образом Берти Тодда. Берти намекал всем и каждому о «неограниченном проекте», который собирался осуществить. Коммуникационная линия между Берти и Хуаном была наполнена холодным молчанием; с остальными Берти был приветлив, хотя все они вместе взятые не сделали для него и десятой доли того, что делал Хуан Орозко. Часть их разговоров Хуан мог слышать: судя по всему, другие мальчики не пытались от него отделаться. Они думали, что Хуан тоже входит в их компанию, а большинство вообще были в восторге от того, что Берти удостоил их вниманием. В рамках сотрудничества, не запрещенного школой, никто в младшей высшей школе Фэрмаунта не мог предложить больше Бертрана Тодда. Берти намекал на то, что у него есть выходы на специалистов высокого уровня — то ли с «фабрики идей» Intel, то ли из китайских компаний по созданию программного обеспечения. Для каждого у него находилась пара слов, и приз, который им светил, был чем-то гораздо большим, чем хорошая оценка.

Кое-кто даже пытался приставать к Хуану с расспросами — думая, что он уже вписался в схему неограниченного сотрудничества с Берти. Хуан вяло улыбался и старался выглядеть осведомленным и таинственным.

Берти остановился на краю лужайки, где проходила граница между территорией высшей школы, расположенной рядом начальной школой и шоссе. Восьмиклассники старались не пускать мелюзгу к себе на территорию — пятиклашкам здесь было делать нечего.

По шоссе неслись машины, увозя студентов; чуть дальше находилась стоянка велосипедов, с которой то и дело отъезжало какое-нибудь одно— или двухколесное чудо. Сияющие лица, разговоры… казалось, все были веселы и полны планов.

На некоторое время Хуан и Берти остались на краю лужайки в полном одиночестве. Строго говоря, здесь находился один Хуан. На минуту он подумал о том, чтобы разорвать соглашение, благодаря которому мог видеть Берти. *Caray,* почему бы не отключить его совсем — там. Солнце сияло и грело, и день был такой весенний, что дальше некуда.

Допустим, Берти исчезнет. Кое-кто из ребят еще оставался — в основном внизу, на стоянке велосипедов… И разумеется, сейчас причудливые башни Фэрмаунта были обычными деревянными постройками — старой конюшней и оштукатуренным зданием новой школы. Первое было бурым, второе серым — и все это на фоне желтовато-коричневых и зеленых окрестных холмов.

Однако аудиоканал Хуан отключить не позаботился, и внезапно непонятно откуда донесся голос Берти, который наконец-то признал существование приятеля.

— Ну как, ты уже решил, кто войдет в команду, с которой мы делаем местный проект?

После этого вопроса Хуану пришлось вернуть образ Берти. Тот снова стоял перед ним и добродушно ухмылялся — маска, которая могла обмануть любого, кто по-настоящему не знал этого парня.

— Слушай, Берти, мне в самом деле очень жаль, что мы не сможем быть в одной команде. Мистер Алькальд, *mutha,* он просто взял и впихнул тебя в этот Андерсен… Погоди, — его вдруг осенило. — Ты можешь прилететь *сюда,* на экзамен. Смотри, остановишься у нас. И мы тут такой экзамен устроим! — Внезапно оказалось, что большие проблемы сулят большие возможности. — Маму я уговорю.

Но Берти махнул рукой, словно отгоняя эту идею.

— Не бери в голову. Я смогу поладить с этими парнями из Андерсена. А заодно и помочь вам с местным экзаменом, это как

пить дать, — его ухмылка стала лукавой. — Ты же знаешь, что я отхватил на математике у старушки Уилсон.

— Да-а-а… Высший балл. Это было круто. Ты сделал все десять вопросов.

Десять вопросов, и большинство из них куда труднее тех, которыми их когда-то истязал на экзамене старик Патнэм. К тому же на экзамене у мисс Уильяме никогда не разрешалось сотрудничать или вести поиск за пределами классной комнаты. Хуан получил С+ [5], одолев четыре вопроса. Когда с математикой туго, не спасут даже маленькие голубые пилюли, но он неплохо уяснил то, что мисс Уилсон рассказывала об эвристических методах, а программа для работы с символами в конце концов спасла положение. Подобные проблемы могли поставить в тупик самых толковых студентов двадцатого века, но при наличии необходимой практики и соответствующего программного обеспечения с ними, в принципе, может справиться даже ребенок — обычный ребенок вроде Хуана Орозко. Двоим из учащихся Фэрмаунта удалось решить все десять задач.

Ухмылка Берти становилась все шире и шире — он все-таки присутствовал в виде образа, что позволяло превратить собственное лицо в физиономию карикатурного злодея. Хуан знал, что Берти Тодд не силен в решении абстрактных проблем. Правильные ответы он получал от *других,* что позволяло ему считаться настоящей звездой.

— О… Мы наконец-то вылезли из своей раковины.

Невелика проблема — когда кто-то извне пытается в твою раковину влезть.

— Хуан, мальчик мой, я никогда тебе этого не говорил. Но даже если я хотел что-то сказать, у меня не получилось, потому что я во что-то не врубился… Тебе не кажется, что это как раз доказывает, что вся эта затея с «изолированными навыками» — просто научный бред?

— К-кажется, — пробормотал Хуан. В некотором смысле у Берти были своеобразные представления о том, что правильно, а что нет. — Но, по-моему было бы куда круче, если бы ты завалился сюда, в Сан-Диего.

Улыбка Берти исчезала по частям. Великий Отморозок мог проделывать такие штуки в течение секунды. Хуан пожал плечами и попытался сделать вид, что никого никуда не приглашал.

— О'кей. А я еще числюсь в твоей неограниченной команде?

— Ну, давай посмотрим, какой у нас расклад. Нам дали, по меньшей мере, двенадцать часов на то, чтобы собрать эту самую команду — верно? Думаю, гораздо важнее, чтобы… ты сам хорошо стартовал в составе местной команды.

Это надо было предвидеть с самого начала. Берти был мистером Услуга-За-Услугу, только иногда у него находилось время, чтобы выразить свои требования.

— Итак… как думаешь, кого из наших есть смысл пригласить? — будем надеяться, тот, чьих ушей достигнет эта фраза, достаточно туп, чтобы не понять ее скрытый смысл. — Рэкхемы ничего, к тому же мы с ними уже сработались.

Берти напустил на себя рассудительный вид.

— Дон и Брэд? Идет, к тому же ты видел табель успеваемости. Отчасти количество очков, которые ты получишь на местном экзамене, зависит от того, насколько ты умеешь сотрудничать с тем, кто на тебя совершенно не похож, — во время этого монолога он смотрел куда-то на другую сторону лужайки.

Хуан обернулся и проследил за его взглядом. За актовым залом шел футбольный матч — играли старшеклассники, которым не надо было сдавать выпускные экзамены в течение ближайших двух недель. Неподалеку околачивались ребята помладше, но тоже из высшей школы — вероятно, строили планы относительно экзаменов. Никого из них Хуан толком не знал.

— Смотри в сторону главного входа и выше, — сказал Берти. — Думаю, ты мыслишь узко, и с этим надо бороться. И еще я думаю, что тебе надо пригласить Мириам Гу.

Ay Caray!

— Мириам Гу? Мисс Вся-из-себя?

— Давай, не дрейфь. Видишь, она тебя уже заметила.

— Но…

Действительно, и Гу, и ее компания смотрели в сторону Хуана.

— Слушай, Хуан, я с кем только не общался — и с инженерами Intel в домах престарелых, и с правоверными служителями церкви Пратчетта[6], которые ничем, кроме своей религии, не занимаются. Если у меня это получалось, то уж тебе…

— Ты общался с ними исключительно по сети. А мне придется лично, и не только общаться, но и играть в одной команде.

— Считай это испытанием, — голос Берти доносился уже с другого конца лужайки. — Пройдешь — попадешь в мою команду. Да, Мири Гу не слишком шустро работает с интерфейсом, — он бросил на Хуана многозначительный взгляд. — Но я за ней наблюдал. На экзамене у мисс Уильямс она блистала, и я сильно сомневаюсь, что ей понадобилось сжульничать. С языками у нее вообще супер. Да, ты прав, она задирает нос — из-за этого ее даже подружки ненавидят. Но у нее пока нет причин тебя послать,

Хуан. К тому же, ты не какой-нибудь соплячок. Ты общительный, хочешь сделать карьеру и все такое. Ей как раз такие нравятся, и она прекрасно об этом знает. Смотри, она направляется к нам.

Точно. Мириам Гу и ее компания двигались навстречу Хуану, только гораздо медленнее, чем он навстречу им.

— Ага. И, похоже, не слишком этому рада. Что на горизонте?

— Хе… Видишь вон ту маленькую видеодурочку за спиной у нашей королевы? В настоящий момент она подбивает Мири спросить тебя о чем-нибудь.

Так вот в чем дело.

— Это ты ее надоумил, верно?

— А как же. Но Аннета — так ее зовут — не знает, что я — это я. Мы с ней много работали вместе, но она думает, что я — старая леди из Армонка[7]… Знаешь, как Аннета любит поговорить о молодежи — то есть о нас? И старая леди из Армонка с удовольствием поддерживает беседу… — голос Берти вдруг стал высоким и дребезжащим: — О, этот Орозко такой славный мальчик! Думаю, твоей подружке Мириам он очень понравится.

Блин, Берти!!!

Они шли навстречу друг другу, каждый шаг — как на плаху, пока не оказались на расстоянии вытянутой руки. На миг Хуан увидел всю картину как бы со стороны. Волей игры воображения, они выглядели обычными детьми. Аннета была прыщавой коротышкой, ее волосы, кажется, уже месяц не знали расчески. Мириам Гу — высокая, на три дюйма выше Хуана. Слишком длинная. Кожа такая же темная, как у него, но отливает золотом. Коротко стриженные черные волосы обрамляют широкое, немыслимо симметричное лицо. На ней была широкая блузка от «Эпифани», высокоскоростные лазерные порты замаскированы под бижутерию. Так одеваются дети богатеньких родителей, только у них на одежде хорошо видны магнитные полоски для игр. На этой блузе полос не было; простая светлая блуза, но ее вычислительная мощность, скорее всего, выше, чем у всей одежды в гардеробе Хуана. Нужно быть по-настоящему крутым, чтобы носить такую блузку.

Сейчас у Мири было такое выражение лица, будто она попробовала какую-то гадость. *Что, не самое приятное зрелище, мисс?* Однако она заговорила первой.

— Хуан Орозко? Ребята говорят, что ты большой умник, и интерфейс у тебя на уровне… — девочка выдержала паузу и слегка передернула плечами. — Как насчет того, чтобы работать в одной команде на местном экзамене?

Берти скорчил страшную рожу, и Хуан понял, что это немое

послание адресовано исключительно ему.

— Поехали, Хуан. Видишь, как славно. Скажи ей, что ты об этом думаешь. О том, чтобы создать команду и набрать кучу очков прямо на старте.

Слова застряли у Хуана в горле. Мириам Гу — это уже перебор.

— Ну, почему бы и нет, Мири. Смотря что ты можешь предложить. Какие-то способности? Идеи?

Она прищурилась.

— И то, и другое. У меня есть совершенно убийственная концепция проекта. Мы сможем сделать школу Фэрмаунта «розой Северного Края».

Это была фраза с плаката, который висел в вестибюле. Мистер Алькальд и школьное правление затеяли эти проекты только с одной целью: показать, что такого соседа, как Фэрмаунт, надо поискать — не в пример всяким Даун-таунам и Эль-Кахонам[8]. Хуан пожал плечами.

— Ну… м-м-м… недурно. Думаю, нам есть смысл играть на контрасте, мистеру Алькальду это понравится… — а вот мне — нет. — Давай обсудим подробности.

— Незачем, незачем! — встряла «видеодурочка». — Вам надо как можно скорее объединиться!

За время этой тирады она примерила на себя образ самых разных поп-идолов, пока не остановилась на героической студентке, о которой одни знали благодаря знакомству со Спилбергом, а другие — с Роулинг[9]. Заодно изменения коснулись и фона: здание школы трансформировалось в сказочный замок. Этот набор она уже использовала на праздновании Хэллоуина прошлой осенью. Большинство родителей пришли в восторг; что касается их чад… Школа Фэрмаунта провалила бы тест на творческую фантазию по одной очень веской причине: в реальной жизни в Южной Калифорнии музыку заказывали любители травки.

Мириам оглянулась на свою компаньонку, которая теперь изображала маленькую английскую ведьмочку с копной всклокоченных каштановых волос.

— *Заткнись,* Аннет! — она снова обернулась к Хуану. — Она права, Орозко. Давай примем окончательное решение этим вечером. Как тебе такое предложение: ты заглянешь ко мне около шести вечера, и мы обо всем потолкуем.

— Идет. Но… Лично?

— А как же иначе? Это же *местный* проект.

— Ну, тогда ладно. Я загляну.

Надо как-то выкручиваться. Что задумал Берти?

Мириам шагнула вперед.

— Вашу руку, сэр.

Хуан послушно пожал ей руку. Последовал легкий электрический разряд… или это у него разыгралось воображение? Однако сообщения были, целых два и весьма выразительных — они сверкнули, перечеркнув поле его зрения.

Мириам Гу развернулась и вместе со своими подружками направилась в сторону шоссе. Потом Хуан уловил звук, подозрительно похожий на сдавленное хихиканье. «Видеодурочка» сопровождала компанию, иллюстрируя беседу калейдоскопом эпизодов из миллиона старых фильмов и новых романов. Аннет находила их в архиве и выстраивала с такой же легкостью, с какой люди выстраивают слова в предложения. Да, она просто чудо. А может быть, существуют другие маленькие голубые таблетки?

Rumboso[10]. Хуан повернулся к девчонкам спиной и направился к стоянке велосипедов.

— Итак, что тебе сказала Мири Гу? — небрежно осведомился Берти. Уж лучше бы уточнил сразу: когда вы обменивались рукопожатием. Как бы ответить, но не посвящать Берти во все тонкости процесса?

— Все было как-то странно. Она сказала, что если войдет в команду, то не потерпит никакого дистанционного участия.

— Само собой. Это же экзамен *для местных*. Покажи сообщение.

— В нем-то и заключается вся странность. Она догадалась, что ты приложил к этому руку. И сказала, что если я покажу тебе сообщение или позволю тебе участвовать, она нас разоблачит и провалит экзамен. Даже если за это ей влепят низший балл.

На самом деле, он передал сообщение дословно. В том числе и категоричный тон, который всегда вызывал у него такую зависть.

Остаток пути до стоянки они проделали молча. Берти понурил голову и всем видом выражал недовольство. Скверно. Хуан вскочил на свой велосипед, оттолкнулся и покатил в направлении Нью-Пала, сначала в гору, а потом вниз по длинному склону, домой. Берти сотворил в воздухе ковер самолет, уселся на него и следовал за Хуаном, точно привидение. Это была блестящая работа: за ковром-самолетом по гравийной дорожке ползла тень нужной формы. Правда, этот чудо-коврик закрывал Хуану обзор, мешая видеть попутный транспорт. Почему бы Берти не пристроиться с другой стороны или не стать на время невидимым? Хуан повысил прозрачность картинки, надеясь, что Берти этого не заметит.

— Ну что, Берти? Я сделал, как ты просил. Теперь поговорим об этом… свободном исследовании. Уверен, что смогу что-нибудь сделать.

Если только ты позволишь.

Около секунды Берти не отвечал, погрузившись в глубокую задумчивость, потом кивнул и издал короткий смешок.

— Само собой, Хуан. Тебе найдется место в нашей команде. Ты будешь просто незаменимым помощником.

Внезапно оказалось, что мир не так уж и плох.

Они двигались вниз по крутому склону. Ветер шевелил Хуану волосы и прохладными струйками завивался вокруг рук. Такое точно невозможно создать — во всяком случае, без магнитных полосок. Сейчас перед ним лежала вся долина, подернутая лучащейся от солнца дымкой. До следующего подъема оставалось почти две мили, а в конце подъема стоял Фоллбрук. И его, Хуана, приняли в команду Берти.

— Так что у тебя за проект, Берти?

— Э-э-э… Нравится тебе мой летающий коврик, Хуан? — Берти небрежно сделал мертвую петлю. — Как думаешь, как мне такое удалось?

Хуан покосился на приятеля.

— Мои контактные линзы? «Умная одежда»?

Разумеется, без компьютера, который ради удобства встроен в одежду, от линз толку мало. Во всяком случае, картинки смотреть не получится.

— Это просто устройство вывода готового изображения. Но каким образом мое изображение настигает тебя всюду, куда бы ты ни направился? — он выжидательно посмотрел на Хуана.

Не тяни, Берти.

— Ну, понятно. Всемирная сеть…

— По большому счету, ты прав, хотя сети с протяженными линиями связи как таковые существуют уже давно. Я говорю о том, что обеспечивает сети гибкость. Узлы, которые разбросаны повсюду вокруг нас. Оглянись по сторонам!

Берти, должно быть, запросил ближайшие к Хуану сайты: вокруг внезапно засверкало множество виртуальных искорок. На скалах вдоль дороги, на машинах, которые проезжали мимо, на одежде Хуана…

Еще взмах руки — и холмы ожили тысячами блесток. Это были узлы, которые достигались в два-три «хода».

— Хорошо, Берти. Сеть — это ужасно важная штука… Но Берти уже завелся.

— Но простая, как пять пенсов. Представь себе: масса приспособ для беспроволочной передачи сигналов размером с

большой палец, которые нужны только для одного — установления местоположения. Потом маломощные лазеры с малым радиусом действия, которые наводятся точно на цель и передают сообщения получателю… Сейчас это все происходит так быстро, что ты и заметить ничего не успеешь — если у тебя, конечно, нет сетевого снифтера. Как думаешь, Хуан, сколько автономных узлов расположены в продвинутой части города?

Вопрос, предполагающий конкретный ответ.

— Ну… прямо сейчас на лужайке перед школой… двести сорок семь.

— Правильно. И что в них обходится дороже всего?

Хуан засмеялся.

— Чистка, конечно!

Чистить сеть — значит убирать устройства сломанные, изношенные, недостаточно освещенные, чтобы их батарейки заряжались сами собой. Однако если делать это регулярно, через несколько месяцев у тебя повсюду начинали скапливаться горы металлического мусора — огромные, отвратительные и, откровенно говоря, токсичные. Хуан остановился как вкопанный и рассмеялся.

— Вау, Берти! Это и есть твой проект? Биодеструктуризирующиеся сетевые узлы? Супер!

— В точку. За любой шаг в этом направлении обеспечен высший балл. И нам может повезти. Я уже пообщался с нужными группами. Кистлер из MIT[11]… он сам этого не знает, но кое-кто из его выпускников основал комитет… и я в этот комитет вхожу.

Группа Кистлера вроде бы начинала заниматься исследованиями органических заменителей, но потом завязла. Кое-что занятное время от времени мелькало на «рынках идей» в Индии; еще были некие ребята из Сибири, которые предпочитали держать язык за зубами.

Хуан ненадолго задумался.

— Эй, Берти! Спорю, обзор литературы, который я готовил тебе в прошлом месяце, реально может сдвинуть дело с мертвой точки!..

Берти, кажется, немного смутился.

— … А помнишь, как я анализировал транспорт электронов в процессе органического разложения?

Берти подал это как простенькую головоломку; она дала Хуану возможность устроить испытание своим новым способностям, не слишком при этом напрягаясь.

— Да! — он наморщил лоб. — Разумеется. Конечно, напрямую с проблемой это не связано, но у других ребят могут появиться кое-какие мысли.

За разговорами они миновали дно долины, потом поднялись к недавно построенным корпусам, а затем устремились вниз по склону, где стояли старые здания казино. Берти и его летающий коврик вдруг вспыхнули и исчезли. С секунду Хуан тщетно пытался установить двустороннюю связь.

— *Dummo*[12]… и угораздило же тебя поселиться в этакой дыре, — проворчал голос Берти у него над ухом. Хуан пожал плечами.

— У соседей есть лазерные и беспроводные технологии.

На самом деле, это было здорово — избавиться от ковра-самолета. Он позволил велосипеду вознести себя на вершину маленького холма, а потом помчался вниз, к Лас-Меситас.

— И как мы будем согласовывать действия на неограниченном экзамене?

— Легко. Через пару часов я войду в режим диалога с сибиряками — и тогда мы произведем легкую перетасовку в других группах. Я не знаю, насколько быстро это все разлетится. Возможно, за Фэрмаунт придется играть только нам с тобой. Синхронизируйся со мной сегодня вечером, после того, как встретишься с Мири Гу. И посмотрим, как можно использовать твою «волшебную память».

Хуан нахмурился, прибавил ходу и въехал на тротуар с *condos*[13] начала века. Район, в котором он жил, был достаточно старым; для создания этой кричащей безвкусицы не требовалось никаких виртуальных ухищрений.

Кажется, Берти заметил, что на его реплику не ответили.

— Так в чем проблема?

О да! Хуан терпеть не мог эти бестактные намеки по поводу маленьких голубых пилюль. Но таков уж он, Берти. Сегодня он показал себя со всех сторон — и лучших, и худших.

— Именно это меня беспокоит. Я знаю, что у Мири хорошие отметки. Ты говоришь, что соображалка у нее на уровне… но ее не слишком затянуло?

На самом деле его интересовало другое — какого черта Берти толкает его на это. Но знал, что Великого Отморозка провоцировать не стоит, а любой прямой вопрос такого рода будет воспринят как провокация.

— Не дергайся, Хуан. Она сработается с любой командой. Я за ней наблюдал.

Вот это новость! Однако вслух он сказал:

— Я знаю, у нее брат-тупица, учится в высшей школе.

— Э-э-э… Уильям-Болванус? Да, он тупица, но они не родные брат и сестра. Нет, Мири — золотая голова. И такая пробивная… Ты знаешь, что она выросла в Асило-маре?

— В лагере для интернированных?

— Вот-вот. Она попала туда совсем маленькой. Но ее предки слишком много знали.

Такое во время войны случалось со многими азиатами американского происхождения — с теми, кто слишком хорошо разбирался в военных технологиях. Но это было уже дело прошлого. Слова Берти скорее потрясли Хуана, чем открыли ему что-то новое.

— Ладно, замяли…

Никто ни на кого не давит. В конце концов, Берти принял его в команду.

Ну вот, почти дома. Хуан скатился вниз по коротенькой улочке, потом вверх к подъезду, нырнул за скрипучую дверь гаража, которую открыли специально для него.

— Вечерком, когда ты будешь в Восточной Азии, я загляну к Мири, и мы начнем всю эту ерунду с местной командой.

— Хорошо-хорошо, — ответил Берти.

Хуан прислонил велосипед к куче рухляди, которую сносила сюда вся семья, и направился в глубь гаража. Возле кухонной двери он остановился.

Одну вещь Берти все-таки должен услышать. Хотя, может быть, он не услышит.

«Спорю, он все еще рассчитывает участвовать в местном экзамене».

— Один момент. Помнишь, Мири пожала мне руку? Она выразилась очень определенно, Берти. Она не хочет, чтобы ты в этом участвовал, даже пассивно. Договорились?

— Конечно. Все супер. Я отправляюсь в Азию. Та! — и Берти исчез с преувеличенно громким «щелк!»

* * *

Как и следовало ожидать, отец был дома.

Луис Орозко слонялся по кухне. Когда его сын вошел, он сделал мальчику неопределенный знак рукой. В доме была отличная внутренняя сеть, завязанная на стационарную станцию[14], размещенную на крыше. Хуан игнорировал фантастические картинки, висящие в комнате, почти не задумываясь. Его не слишком интересовало, что Па сейчас видит и о чем думает.

Хуан проскользнул мимо отца в жилую комнату. Все-таки папа у него что надо. Отец Луиса Орозко в восьмидесятые годы двадцатого века был нелегалом. Дедуля тоже жил в Северном

Крае, только ютился в хибарах из картонных коробок и грязных туннелях, которые в те дни проходили по дну каньонов.

Дедушка с бабушкой вкалывали как проклятые ради своего единственного сына, и Луис Орозко вкалывал как проклятый, чтобы выучиться на инженера-программиста. Иногда, когда Папе доводится спуститься с небес на землю, он может засмеяться и сказать, что был одним из лучших специалистов по «Regna 5» в мире.

И не исключено, что в течение пары лет на таких специалистов действительно был спрос.

Поработать пару лет — и ради этого учиться три года. Такого рода вещи случаются со многими. Папа был одним из тех, для кого это было достаточной причиной, чтобы уйти.

— Ма, можешь говорить?

Часть стены и потолка были прозрачными. Изабель Орозко, которая работала наверху, озадаченно посмотрела на сына.

— Хуан? Я думала, ты задержишься на экзаменах допоздна.

— Да, — выпалил Хуан, взлетая по лестнице. — У меня масса дел!

— А, так ты будешь сдавать отсюда?

Мальчик вбежал в рабочую комнату и торопливо обнял мать.

— Нет, я поужинаю, а потом навещу кое-кого из ребят, с которыми мы работаем над местным проектом.

Сейчас мама глядела прямо на него: это означало, что ему удалось полностью завладеть ее вниманием.

— Я только что смотрела новости. Это потрясающая идея — насчет «свободного экзамена».

Она всегда считала, что очень важно поддерживать связь с реальностью. Когда Хуан был младше, она постоянно таскала его за собой, отправляясь на производственную практику.

— О да, — отозвался Хуан. — Мы многому научимся.

Взгляд мамы стал пристальным.

— Бертрана здесь нет, я верно поняла?

— Хм… Нету, мам.

Про «свободный экзамен» пока говорить не стоит.

— Его вообще нет в доме?

— Р-р-р-р… Конечно, мама, — Хуан не позволял следить за своими друзьями, когда был дома. И мама это знала. — Когда он здесь, ты его видишь — точно так же, как остальных ребят, которые к нам приходят.

— Замечательно.

Кажется, она немного смутилась — но, по крайней мере, воздержалась от своего обычного «все-таки малыш Берти какой-то скользкий». Несколько секунд ее взгляд блуждал, потом пальцы

быстро-быстро забарабанили по клавиатуре. Хуан мог видеть, что она уже на Борреджо Спрингс и пасет каких-то киношников из Лос-Анджелеса.

— В любом случае, будет здорово, если ты разрешишь мне взять машину на ночь. Мой партнер по команде живет в Фоллбруке.

— Погоди секунду… — она закончила ту часть работы, которую делала. — Можешь взять… А кто твой приятель?

— Настоящий отличник.

И показал. Мама неопределенно хмыкнула; кажется, она была немного удивлена.

— Хороша… Да, она отлично учится. Сильна как раз в тех предметах, с которыми у тебя не ладится — и наоборот… — она замялась, запрашивая информацию о семействе Гу. — Семья у них живет замкнуто, но все в порядке.

— И дом у них в той части города, где безопасно. Она усмехнулась.

— О да, *очень* безопасно, — она уважала школьные правила и не стала спрашивать о групповом проекте. Это было очень кстати, потому что Хуан понятия не имел, что запланировала Мири Гу. — Но старайся не выходить за пределы Кэмп Пендлтон, слышишь меня?

— Хорошо, мам.

— Хорошо. Тогда отправляйся, когда поужинаешь. Я поймала несколько богатых клиентов, так что, с твоего позволения, не буду прерываться. Спускайся и скажи папе, чтобы дал тебе что-нибудь перекусить. И постарайся, чтобы этот проект пошел тебе на пользу, угу? Есть множество способов сделать карьеру, не занимаясь всеми этими… воздушными замками.

— Хорошо, мам, — он улыбнулся и похлопал ее по плечу, а потом побежал вниз по лестнице. Когда папина карьера рухнула, мама стала работать все больше и больше в своей «Службе 411»[15]. Сейчас, наверно, никто на свете не знает Сан-Диего лучше нее. Большинство ее заданий занимали от нескольких секунд до нескольких минут — объяснить людям, куда пройти, разрешить их затруднения. Некоторые работы — вроде исторического исследования «Миграция» — были более продолжительными. Мама считала очень важным, что фактически работает по доброй сотне специальностей, и ни одна не была связана с причудами высоких технологий. Хуан делал то же самое гораздо хуже — вот о чем гласило ее послание, высказанное и невысказанное.

И, глядя на па через кухонный стол, он видел, какую альтернативу она имела в виду. Это Хуан понял, когда ему было

всего шесть лет от роду. Луис Орозко с отсутствующим видом жевал. Он выглядел как рабочий, вернувшийся домой после тяжелого дня, однако наблюдал лишь за призрачными образами, которые плавали по комнате, подобно безучастным мыльным пузырям. Ближе к ночи он заплатит за активное муви. Но все это ерунда. Это еще не значит, что ты *втянулся.* Но Па *всегда* или в прошлом, или в другом мире. Поэтому ма боится, что Хуан кончит тем же.

Но я не хочу кончить, как папа. Что бы ни было самого лучшего, я этому научусь. И научусь за считанные дни, не за годы. И если это лучшее внезапно устареет, я снова научусь еще чему-нибудь новому, чему угодно.

Ма работает как проклятая, она замечательный человек… но все ее четыреста одиннадцать работ… как бы это сказать… ни к чему не вели. Возможно, господь будет настолько добр к ней, что она никогда этого не поймет. Конечно, Хуан не станет разбивать ей сердце, заводя об этом разговор. Но этот мирок засасывал. Сан-Диего, несмотря на всю свою историю, свою промышленность, свои университеты, был всего лишь микроскопической частицей того огромного мира людей и мыслей, который ежеминутно бурлил вокруг. Когда-то давно отец Хуана хотел стать частью этого огромного мира, но оказался недостаточно подвижным, недостаточно легко приспосабливался.

У меня все будет иначе.

Маленькие голубые пилюли все изменят. Возможно, цена будет высока. Иногда сознание Хуана становилось чистым, как неисписанная страница — он даже не мог вспомнить собственное имя. Это было что-то вроде приступа, который проходил через мгновение или два. Всегда. До сих пор. Если добывать таблетки на улице, ты не застрахован от подобных вещей.

Хуан стиснул зубы.

Я научусь приспосабливаться.

Он не будет неудачником, как его отец.

* * *

Хуан вышел в двух кварталах от дома Гу. Он сказал себе, что делает это, чтобы освоиться в обстановке. К тому же, здесь было не слишком людно. Но на самом деле, причина была в другом. Причина была в том, что он слишком быстро доехал. Он был не готов предстать перед лицом своего товарища по команде.

Западный Фоллбрук был не самым фешенебельным районом — но все-таки более современным, чем Лас-Меситас.

Большинством своих доходов он был обязан тому обстоятельству, что располагался у самого западного входа в Кэмп-Пендлтон. Хуан прогуливался в угасающих вечерних сумерках, глядя по сторонам. На улице почти никого не было — только какой-то любитель бега трусцой и несколько ребятишек, которые играли в какую-то таинственную игру.

Поскольку все программы, призванные улучшить внешний вид района, были отключены, дома выглядели приземистыми, неприветливыми и стояли довольно далеко от проезжей части. Некоторые были даже красивы: кактусы и карликовые сосны окружали их наподобие гигантских бонсай. Другие выглядели буднично-аккуратными, с деревцами, отбрасывающими густую тень, и лужайками, которые покрывал или выровненный гравий, или трава, подстриженная газонокосилкой.

Хуан включил согласование образов. Улочка оказалась навороченной — впрочем, этого следовало ожидать. Пейзаж просто прелесть, без преувеличения: вечернее солнце, озаряющее лужайки, поросшие сочной зеленью, фонтаны. Приземистые домики, словно состоящие из одних окон и окруженные открытыми патио; некоторые места заливал яркий свет, другие наполовину прятались в тени. И никаких общедоступных сенсоров. Никакой рекламы, никаких граффити. Район представлял собой законченную картину, это было почти произведение искусства. Хуан почувствовал что-то вроде легкого трепета. В большинстве районов Сан-Диего вы можете встретить землевладельцев, чьи дома выпадают из образа общины либо выполняют требования о согласованности, но похожи на своих соседей так же, как карикатура на оригинал. В Западном Фоллбруке это требование выполнялось куда строже, чем где бы то ни было. Это вызывает ощущение общности интересов — как будто не кто наблюдает за всем и готов выступить против пришельцев. На самом деле, этот наблюдатель имел имя: USMC[16].

Над головой Хуана вспыхнула стрелка. Следуя ее указанию, он повернул на поперечную улицу и направился по правой стороне к третьему дому. *Caray.* Он хотел идти помедленнее. Он просто прогуливается по кварталу.

Я даже не придумал, что скажу ее предкам.

Взрослые американцы китайского происхождения — люди с большими странностями, особенно те, кто пережил арест. Когда их освободили, некоторые покинули Соединенные Штаты и уехали в Мексику, Канаду, Европу. Однако большинство снова стали жить по-прежнему, некоторые даже вернулись на государственную службу, но горечь в душе осталась. Некоторые

помогли закончить войну и показать всему миру, что в правительстве США сидят идиоты.

Хуан направлялся к крыльцу дома Гу, в то же время лихорадочно собирая информацию о семействе Мири. Так… Если Уильям-Болванус — не родной брат Мири, то кто он такой? Уильям никогда не привлекал к себе внимания, никаких слухов о нем не ходит. Данные об учащихся в Фэрмаунте были неплохо защищены. Хуан проявил некоторое упорство и обнаружил несколько любопытных снимков. Еще несколько минут, и стало бы ясно, что за птица этот Уильям…

Но до парадной двери Гу оставалось два шага. И Мири стояла на крыльце. В первую секунду Хуан подумал, что она сейчас отчитает его за опоздание, но девочка только махнула ему рукой, приглашая внутрь.

Стоило перешагнуть порог, и картинка улицы исчезла. Они стояли в тесной прихожей, спереди и сзади были закрытые двери. Мири стояла у дальней и наблюдала за ним.

Раздались сухие хлопки, похожие на треск, и Хуан почувствовал, как что-то жжет лодыжку.

— Эй, вы сейчас мне все причиндалы спалите[17]!

Это не единственный его костюм, но семья Орозко не настолько богата, чтобы разбрасываться вещами. Мири удивленно посмотрела на него.

— Ты что, не знал?

— Про что не знал?

— Та штука, которую я снесла — не твоя. Я была очень осторожна. Ты подцепил «автостопщика», — она распахнула внутреннюю дверь, и ее движения вдруг стали вкрадчивыми и мягкими. Должно быть, здесь за ней наблюдали взрослые.

Проследовав за ней в холл, Хуан перезагрузил одежду. Стены стали куда симпатичнее — теперь они были обтянуты шелковыми занавесками. Похоже, в этой домовой системе он получил привилегии гостя, однако ни одной коммуникационной линии, ведущей за пределы здания, пока обнаружить не удалось. Все оборудование работало превосходно, включая такие маленькие, но приятные примочки, как обзор 360 градусов и обостренное слышание. Тогда что это были за хлопки, почему ногу так пекло? Похоже, Мири права. Он болтался по кварталу, как дурак — еще бы написал у себя на спине «пни меня». А если разобраться… это было кое-что похуже. Он вспомнил, как мама сказала: «я вижу любого, кого ты приводишь в дом». Кто-то решил доказать, что это не так. В Фэрмаунте любили всевозможные розыгрыши, порой совершенно не смешные, но это было уже через край. Узнать бы, кто такое учудил… В самом деле, кто?

Хуан вышел из коридора в ливинг-рум с высоким потолком. Здесь, возле самого настоящего камина, стоял коренастый азиат, стриженный «под бобрик». Это лицо Хуан видел на одном из снимков, которые успел выщепить из сети. Уильям Гу-старший, то есть отец Мириам, а не Уиль-ям-Болванус. Получается, они тезки.

Мириам танцующим шагом вышла вперед. Она уже улыбалась.

— Билл, это Хуан Орозко. Мы будем вместе готовить проект для ограниченного экзамена. Хуан, это мой отец.

Билл?! Хуану бы и в голову не пришло называть папу по имени. Да, странные люди.

— Рад познакомиться, Хуан, — рукопожатие мистера Гу было твердым, а лицо выражало добродушие и скуку. — Вы все еще способны получать удовольствие от выпускных экзаменов?

То есть как — *«удовольствие»?*

— Да, сэр.

Мири уже успела отвернуться.

— Элис? У тебя найдется минутка? Я хочу представить тебе…

— Конечно, дорогая, — отозвался женский голос. — Иду.

Не прошло и двух секунд, как в комнату вошла дама с приятным округлым лицом. По мнению Хуана, она была приятной во всех отношениях… кроме одежды: в этот вечер миссис Гу появилась в униформе подполковника морской пехоты США времен великих перемен. Пока Мири повторяла церемониальную фразу, мистер Гу постучал пальцами по своему поясу.

— О-п-пс… Прошу прощения! — униформа исчезла, ей на смену мгновенно появился деловой костюм.

— О, дорогая…

Костюм трансформировался в домашнее платье, которое приличествует матери семейства и которое Хуан запомнил по фотографиям. Когда они с миссис Гу обменивались рукопожатиями, она казалась такой простодушной… Просто мамочка.

— Я слышала, что у вас с Мириам очень занятный проект.

— Надеюсь, что это так.

А также надеюсь, что у Мириам хватит времени объяснить мне, что она задумала.

Однако в одном он больше не сомневался: Мири реально втянулась.

— Право, нам хотелось бы узнать об этом побольше, — сказал мистер Гу. Мири скорчила гримасу.

— Билл, ну ты же знаешь: об этом болтать не положено. К тому же, если все пойдет как надо, мы справимся за ночь.

Что-что?!

Однако мистер Гу уже смотрел на Хуана.

— Я знаю школьные правила. И не собираюсь их нарушать, — он почти улыбнулся. — Но, думаю, как родители мы имеем право хотя бы знать, где вы будете находиться физически. Если я правильно понял, местный экзамен вы не можете сдавать дистанционно…

— Именно так, сэр, — ответил Хуан. — Мы…

Запас слов иссяк, и Мириам спокойно продолжила его фразу:

— Мы отправляемся в Торри Пайнс.

С минуту подполковник Гу постукивала пальцами по своему поясу и молчала.

— Хорошо. На мой взгляд, это безопасно.

Мистер Гу кивнул.

— Но вы собираетесь осуществлять этот проект без возможности подключения извне…

— За исключением ситуации, которая может представлять угрозу, сэр.

Миссис Гу продолжала задумчиво барабанить пальцами. Хуан отключил все изображение дома и сосредоточился только на лице отца Мириам. Потом немного увеличил картинку. Он был одет небрежно, но с куда большим чувством стиля, чем большинство взрослых. В «домашнем варианте» он выглядел мягким и более грузным, в «открытом» — строгим и твердым. Как и следовало ожидать, ребро его ладони оказалось мозолистым. Совсем как в фильмах.

Подполковник Гу бросила на мужа быстрый взгляд и слегка кивнула, потом снова повернулась к Хуану и Мири.

— Думаю, все будет отлично. Но мы должны попросить вас кое о чем.

— Только не нарушать правила экзамена, — сказала Мири.

— Ни в коем случае. Во-первых: в парке нет инфраструктуры, а устанавливать кемпинговые сети посетителям не разрешается. Поэтому возьмите что-нибудь старое и автономное, в подвале такого добра полно.

— О, это будет здорово, Элис! Я как раз хотела попросить.

В этот момент Хуан услышал, как кто-то спускается по лестнице позади него. Ему не требовалось оборачиваться, чтобы увидеть, что происходит за спиной, но это не слишком помогло, а положение гостя не позволяло смотреть сквозь стены.

— И второе, — продолжала подполковник Гу. — Мы думаем, Уильяму стоит отправиться с вами.

Папочке Мири? Нет. Конечно, Болванусу. Р-р-р…

На этот раз Мириам не стала спорить. Она только кивнула.

— Ладно, — мягко проговорила она. — Если вы думаете, что так лучше…

— Но… — Хуан произнес это прежде, чем успел подумать, и добавил еще более неуверенно: — а мы не нарушаем правила экзамена?

— Не нарушаете, — ответил голос у него из-за спины. — Читай их повнимательнее, Орозко.

Это был Уильям. Хуану оставалось только обернуться и изобразить приветствие.

— Ты имеешь в виду, что не войдешь в команду?

— Да. Я буду просто рядом.

Лицо у Болвануса было таким же широким, как и у остальных членов семьи. Такой же цвет волос и кожи. Он был почти одного роста с Биллом Гу, но более сухопарый. На лбу блестела испарина, как будто парень…

Ох.

Внезапно Хуан понял: Билл и Болванус — *действительно отец и сын.* Только не в том порядке.

— Это действительно твой долг, папочка, — сказал мистер Гу. Уильям кивнул.

— Не думаю, — он улыбнулся. — Манчкин[18] рассказывала мне, какие странные вещи творятся в младшей высшей школе. Теперь я вижу, что она имела в виду.

Улыбка Мири Гу немного увяла.

— Хорошо, мы с удовольствием возьмем тебя с собой. Мы с Хуаном только взглянем на те штуки, которые Эллис держит в подвале, но где-то через полчаса будем готовы.

— Я буду неподалеку, — Уильям резко помахал рукой и вышел из комнаты.

— Ну что ж, предоставляем вам строить планы, — мистер Гу кивнул мальчику: — Рад был познакомиться, Хуан.

Хуан пробормотал в ответ что-то подобающе вежливое и позволил Мири увести себя из комнаты вниз по крутой лестнице.

— Хм, — сказал он, выглядывая у нее из-за плеча, — а у вас в самом деле есть подвал.

На самом деле Хуан хотел сказать кое-что другое; однако ответ последовал незамедлительно.

— Конечно. Во всех новых домах Западного Фоллбрука есть подвалы.

Хуан отметил, что в строительных лицензиях, выданных местной администрацией, этот факт никак не отражается.

В конце лестницы находилась ярко освещенная комната. Качественный просмотр дал следующие результаты: панельная обшивка из красного дерева, приятного теплого оттенка, и

противоестественно высокий потолок. В реальности и стены, и потолок были облицованы серым пластиком.

Как бы то ни было, комната была битком набита картонными коробками, которые были битком набиты старыми детскими игрушками, спортивным снаряжением и прочим хламом, который не поддавался классификации. Возможно, это один из немногих подвалов в Южной Калифорнии; во всяком случае, его использовали для тех же целей, для которых у семьи Хуана служил гараж.

— Это здорово, что мы можем взять дополнительное сенсорное оборудование, — сообщила Мири, зарываясь в ближайшую коробку. — Проблема только в том, что батарейки на ирсах старые…

Хуан нерешительно топтался в дверном проеме, скрестив руки на груди, и пристально глядел на девочку. Она заметила это, и ее лицо стало неподвижным.

— Что такое?

— Это я должен сказать «что такое», — слова вылетали, точно попкорн из автомата. Хуан заставил себя сдержать гнев и бросил ей прямое сообщение: «Вот что я тебе скажу. Я пришел сюда сегодня вечером, потому что ты собиралась рассказать мне про командный проект ограниченного исследования».

Мири пожала плечами.

— Само собой, — она ответила вслух, и голос у нес звучал как обычно. — Так что если мы поторопимся, то сможем сколотить проект за сегодняшний вечер! Поменьше фоновых задач…

Хуан и не думал менять способ общения.

— Эй! Предполагается, что это будет *командный* проект! Это не значит, что мной можно *командовать*.

Мири нахмурилась, ткнула пальцем в его сторону и продолжала вслух:

— Слушай. У меня возникла колоссальная идея. Ты идеально подходишь на роль второго плана. Мы с тобой сможем охватить все причины и перспективы, как никто в восьмом классе. Им это нравится, когда речь идет о командной работе. Но от тебя мне нужно только одно: держись на второй позиции. Ты не должен ничего делать, только подыгрывать.

Секунду Хуан молчал.

— Я не позволю вытирать об себя ноги.

— Почему? Ведь Берти Тодду ты позволяешь.

— Я пошел.

Хуан повернулся к лестнице, но теперь там было темно. Он уже нащупал первую ступеньку, когда Мири Гу догнала его и

включила свет.

— Минуту. Я не должна была этого говорить. Но так или иначе, нам обоим придется быть вместе всю эту неделю.

Нда-а. И почти все команды, наверно, уже сформированы. Более того: наверно, уже работают над своими проектами. Если он не сможет взять это на себя, привет экзамену… Но работать половичком…

— Ладно, — сказал Хуан, возвращаясь в подвал. — Но я хочу знать, что ты задумала. И еще хочу, чтобы мое слово тоже учитывалось.

— Конечно, — Мири тяжело вздохнула; он приготовился услышать еще какие-нибудь посторонние звуки. — Давай присядем… Отлично. Ты уже знаешь, что я хочу прогуляться по Торри Пайнс.

— Угу, — на самом деле, он прочел о парке, едва она заикнулась о нем своим родителям. — Насколько я заметил, это такое глухое местечко, где у тебя над головой не носятся всякие слухоразносчики… Если ты знаешь, что там происходит, значит, ты остро чуешь.

Мири Гу улыбнулась; вид у нее был скорее довольный, чем самодовольный.

— К этому я и веду. Между прочим, мы вполне можем разговаривать вслух, Хуан. Даже спорить. Главное — не слишком орать. Билл и Элис не станут специально прислушиваться. Семейный кодекс чести, — она поймала его недоверчивый взгляд и с горечью добавила: — Знаешь, если они захотят подслушать, то прямая связь нас не спасет. Вообще-то мои предки об этом никогда не говорили… но спорю, что внутри дома они могут подслушивать даже рукопожатия.

— О'кей, — Хуан продолжил вслух. — Тогда хочу спросить прямо. Что такого ты обнаружила в Торри Пайнс?

— Ничего особенного, но картинка получается целостной. Вот дни, когда парк этой весной закрывали. А вот какая погода была в эти дни. Никто ничего толком не объясняет. И вот еще что: в январе парк был закрыт, но смотрители пустили туда группу туристов из Колд Спринг Харбор[19].

Хуан следил, как статистические данные и картинки сменяют друг друга, возникая перед ним в пространстве.

— Да, да, да… Но большинство этих туристов — важные шишки, которые собирались на присутственной конференции в Калифорнийском Университете.

— Знаешь, сколько времени занимали доклады на этой конференции? Меньше восемнадцати часов.

— И что? Ученым тоже приходится идти в ногу со временем.

А оно быстротечно.

— Не похоже. Я читала тезисы. Очень слабо. На самом деле, именно это меня и зацепило, — она наклонилась вперед. — Я слегка копнула вглубь и выяснила, что это был просто спектакль. А платили за него «Foxwarner»[20] и «Game Happenings».

Хуан проглядел тезисы. Поговорить бы об этом с Берти: у него всегда найдется что сказать и у кого спросить. Хуан с трудом подавил желание вызвать его.

— Ну, я догадываюсь… Хм-м… Мне казалось, что в Калифорнийском Университете работают более профессиональные люди… — он сказал это лишь для того, чтобы не молчать, — Значит, думаешь, за этим что-то кроется?

— Вот-вот. И сейчас как раз разгар летнего киносезона. А ты вспомни, какая тишина стояла на студиях этой весной. Ни тайн. Ни скандалов. Вроде как ничего не намечалось. Даже Первого апреля. Им удалось одурачить несколько студий-субподрядчиков, а заодно и ребят, которые помешаны на играх. В чем дело? А в том, что «Foxwarner», «Спилберг-Роулинг» и «Sony» дышат друг другу в затылок. И если сравнивать с прошлым годом, ситуация накалилась. Около недели назад я выяснила, что «Foxwarner» заключил контракт с Марком Феретти и Чарльзом Боссом.

С кем, с кем?!

Ох, ничего себе. Биотехники мирового уровня из Колд Спринг Харбор. Оба были на конференции в Калифорнийском Университете.

— … С тех пор я с них глаз не спускаю. Раз уж ты догадался, что искать, им будет трудно хранить это в секрете.

Нарезка, которую крутят перед показом, — это головоломка, а головоломка так и просится, чтобы ее разгадали.

— Как бы то ни было, — продолжала Мири, — я думаю, что «Foxwarner» выпустит в летнем сезоне какую-нибудь фантастику на тему биологии. А «Game Happenings» весь последний год крутила сюжеты из Бразилии.

— Помню. «Стоянки Динозавров».

Почти два месяца чуть ли не половина человечества «переселилась» в бразильские города и посвященные Бразилии веб-сайты, чтобы наблюдать за «Вторжением из Мезозоя». Отголоском этого была вторичная реальность, которая до сих пор плавала в местах действия, привлекая к себе внимание и поглощая время миллионов творчески настроенных индивидов. За последние двадцать лет всемирная сеть превратилась в свалку фальшивок и промежуточных сайтов. Пока не истекал срок действия авторского права — а часто и в течение нескольких лет после этого, — онлайновый фильм мог «жить» в сети, разрастаясь

и соперничая в тщательности проработки и совместимости с профессиональными базами данных. По правде говоря, эта кинофантастика часто оказывалась серьезной помехой при использовании сети. Поговаривали, что если настоящие космические монстры когда-нибудь посетят Землю, им будет достаточно заглянуть в сеть и увидеть кошмары, которые выдаются там за реальность, чтобы в панике бежать на родную планету.

Хуан просмотрел данные, собранные Мири, и проследил несколько линков.

— В общем, лето обещает быть жарким — это ты, считай, доказала. Но у киношников в распоряжении все пространство от Земли до Луны. Значит, главное событие Летнего Сезона намечается в Сан-Диего — а еще точнее, в парке Торри Пайнс?

— Считай, что уже наметилось. Ты знаешь, когда они собирают участников, которые составляют ядро проекта. За последние несколько недель в парке немного изменилась среда, и животные вели себя необычно.

Слишком слабо. Торри Пайнс — необорудованная территория. В нем нет локальных сетей. Но, возможно, в этом-то вся фишка. Мири снимала наблюдательный пост для туристов в Хай-Дель-Мар, потом тщательно проанализировала материал. Итак, либо у нее в руках самый невероятный и драгоценный товар — раннее предупреждение, либо она просто пудрит мозги.

— Отлично. В Торри Пайнс что-то намечается, и ты взяла след. Только одно непонятно: при чем тут киношники.

— Это еще не все. Прошлой ночью моя версия перестала быть «предполагаемой» и стала «правдоподобной», а то и «бесспорной». Я узнала, что «Foxwarner» уже закинула передовую группу в Сан-Диего.

— Но они отправились в Боррего Спрингс, в пустыню.

— Как ты узнал? Я до этого еще не докопалась.

— Моя мама на них работает.

Упс. Разумеется, работа, за которой он застал Ма, секретная. Мири наблюдала за ним с неподдельным интересом.

— Она работает с ними? Класс! Зная, что с чем связано, мы можем сделать такой рывок… Может, спросишь свою маму…

— *Idunno*[21]… Хуан откинулся назад и посмотрел на расписание, которое Ма вывесила дома. Вся ее работа по пустыне в ближайшие десять дней будет недоступна. Хотя… Если ты привык плестись в хвосте, то, кроме хвоста, ничего не увидишь. Он проверил приоритеты доступа. Кого-кого, а маму он знает. Наверно, он смог бы догадаться, чем она запаролила вход в раздел «подробнее». *И, может быть, получить какое-нибудь веское*

доказательство. Он в самом деле хотел сдать экзамен, но…

Хуан немного подался вперед.

— К сожалению, опечатано.

— О!

Мири наблюдала за ним и что-то прикидывала в уме. Первыми раскрыть планы, которые «Foxwarner» строит на Летний сезон… Это обеспечит Фэрмаунту весьма неплохую рекламу. А их группе — гарантированный высший балл на экзамене. Пока не закончился сезон, значение этой победы точно не оценить, но она будет приносить плоды в течение, по крайней мере, пяти лет, пока будут копироваться фильмы.

Поскольку кашу заварил Берти Тодд, придется уговаривать его подумать о своем будущем и будущем команды… и во имя этого сделать так, чтобы Ма захотела помочь ему, если только она знает, как. То есть, воспользоваться данными, которые она засекретила… Но через минуту девочка кивнула.

— Это хорошо, Хуан. Хорошо быть порядочным.

Она вернулась к своим коробкам и принялась в них копаться.

— Начнем с того, что у нас уже есть. А именно: «Foxwarner» использует в качестве стартовой площадки Сан-Диего, и некоторые из будущих киногероев уже болтаются по парку Торри Пайнс.

С этими словами она вытащила сетку с какими-то… Это выглядело как картонные пакеты из-под молока.

— Это Ирсы.

С таким же успехом можно было вообще ничего не говорить.

Потом Мири полезла глубже в открытую коробку и извлекла пластмассовые очки от солнца, на вид очень тяжелые. Сперва Хуан подумал, что это маска для плавания под водой; но они не закрывали ни нос, ни рот. Кроме того, «кликать» на них было бесполезно. Оставалось только самому составлять о них представление, довольствуясь физическими данными.

— В любом случае, — продолжала Мири, доставая еще одну пару очков, — мне надо изучить подоплеку этой истории — это моя часть работы в свободном исследовании. Мы пытаемся раскрыть большой секрет киносезона. До сих пор мы не брали в расчет Сан-Диего, но Аннет пришла к таким же выводам относительно «Foxwarner», что и я. Хочешь работать с нами в команде? Если сегодня у нас все получится, можно будет комбинировать результаты.

О!

Поистине великодушное предложение. Хуан ответил не сразу. Он притворился, что целиком поглощен изучением странного устройства. Он понял, что это такое: в «Справочнике Джейн»[22]

2005 года было отличное описание… Вот только где инструкция? Взяв у Мири одну пару, он крутил ее и так, и этак. Поверхность пластика была покрыта оптически пассивным фотолаком, как на обратной стороне обертки от дешевой бакалеи. Когда Хуан поворачивал очки, яркие радужные цвета окружающего мира не просто отражались в стеклах, но расплывались, смешиваясь с истинным цветом пластиковых стен — темно-серым. Это могло сойти за грубую маскировку, но в данном случае в ней не было никакого смысла. Наконец Хуан понял, что должен ответить.

— Я не могу быть в твоей команде, Мири. Я уже в команде у Берти. Конечно, может быть, это ничего не значит. Аннет тоже работает с тобой, а попутно с Берти.

— Что, *правда?* — ее взгляд на мгновение остановился на нем. Последовала пауза. — Я так и думала. Аннет сама по себе не так уж сообразительна. Выходит, Берти держит всех нас на короткой веревочке?

Выходит, что так. Хуан пожал плечами и кивнул.

— Так как эта штука работает?

Еще несколько секунд Мири, казалось, злилась из-за Аннет. Потом тоже пожала плечами.

— Помни: оно *очень старое,* — она подняла свою пару очков и показала несколько подвижных ручек на головном ремешке. — Есть даже кнопка физического включения — вот здесь.

— О'кей, — Хуан надел очки и плотно затянул ремень. Должно быть, все сооружение весило две-три унции. Какие громоздкие — с контактными линзами не сравнить. Должно быть, со стороны он выглядит дико: как будто на верхней части лица образовался выпуклый, серо-коричневый нарост. Он заметил, что Мириам чудом сдерживает смех. — Давай посмотрим, что они могут.

Он нажал кнопку.

Ничего. В режиме «качественного просмотра» мир оставался прежним. Но стоило снять контактные линзы и посмотреть невооруженным глазом…

— Они темные изнутри! Вообще ничего не видно.

— Ой… — кажется, Мири немного смутилась. — Извини. Сними на минуту очки. Нужен ирс, — она выбрала один из «молочных пакетов», на вид очень тяжелых.

— Что-что?

— И — Р — С.

— А… «Индивидуальный рацион саморазогревающийся».

— Он самый. Одна из маленьких прелестей военной жизни, — она сделала движение, словно хотела развинтить «молочный пакет», и он действительно разделился посередине. —

Верхняя половина — питание для морпеха, нижняя половина — для его оборудования.

На контейнере с «питанием для морпеха» были физически яркие буквы — что-то вроде «мясо птицы в соусе и сливочный крем дегидрированный».

— Один раз я попробовала, — Мири скорчила гримасу. — К счастью, сегодня можем без этого обойтись.

Она отделила нижнюю половинку ИРС и вытащила тонкий провод.

— В моем плане есть одно слабое место. Батарейки. Они здесь уже сто лет хранятся.

— А очки могут не работать, — одежда Хуана часто изнашивалась раньше, чем он из нее вырастал. Иногда хватало нескольких стирок, чтобы уничтожить все данные.

— Ну, нет. У вояк все делается *на совесть.* Смотри, — Мири положила батарейку и взяла очки Хуана. Потом размахнулась, словно подавала мяч на площадке, и швырнула очки в стену. Бац! Прибор врезался в стену под самым потолком, срикошетил и куда-то упал. Мири побежала в другой конец подвала — видимо, подобрать то, что от них осталось.

— Эй, дети! — послышался голос подполковника Гу. — Что мы там делаем?

Мири выпрямилась, захихикала и прикрыла рот ладошкой. Внезапно она стала похожа на десятилетнюю девочку.

— Порядок, Элис! — крикнула она в ответ. — Я просто… м-м-м… кое-что уронила.

— На потолок?

— Извини, я буду осторожнее.

Она вернулась к Хуану и вручила ему очки.

— Смотри, ни одной царапинки. Подаем питание… — она сунула конец провода от батарейки в головной ремень. — А теперь попробуй снова.

Хуан послушно надел очки, опустил их на глаза и нажал кнопку. Сначала все тонуло в дрожащем красном монохроме, а потом он увидел странную картину, словно нарисованную точками. Казалось, он смотрел в «рыбий глаз». Лицо Мири стало пугающе огромным. Ее кожа была цвета горячей печи, а глаза и рот светились голубовато-белым.

— Похоже на инфракрасную картинку. Только цветовая схема странная.

— Угу. Это установки по умолчанию. Обрати внимание, оптика встроена прямо в линзы. Это что-то вроде полевой формы: ты не зависишь от локальной сети. Только доберемся до Торри Пайнс, и мы победили. Попробуй другие датчики. Если покачаешь

кнопку включения, получишь подсказку.

— Вау! Четко!

[image]

Крошечное меню плавало справа, на пределе видимости. Предупреждение о заряде батарейки мигало. Хуан ощупал ремешок, который удерживал всю конструкцию у него на голове, и нашел «столбик», который управлял указателем.

— Порядок. Сейчас у меня полноцветная картинка. Правда, разрешение хромает… — мальчик развернулся спиной к Мири, потом обратно и рассмеялся. — Знаешь, менюшка такая странная… Болтается сбоку, точно в глаз что-то попало. Как прикрепить его к стенке или чему-нибудь еще неподвижному?

— Не выйдет. Я говорила, что эта штука древняя. Он не может ориентировать нужный индекс. А если бы даже и мог… мозг у него с горошину и слишком тормозной, чтобы делать прогоны изображения.

— Хм-м… Хуан был знаком с некоторыми допотопными системами, но редко ими пользовался. Понятно, что с такой штукой можно забыть о слоях и всем таком. Даже обычные вещи, вроде внутренней отделки, должны быть только реальными.

Коробок была *масса* — но ни одного описания. Некоторые из них, должно быть, принадлежали Болванусу; на них красовались наклейки с надписями вроде «Проф. и миссис Уильям Гу, фак. Английского языка, Калифорнийский университет Дэвиса» или «Уильям Гу, ст., „Конец радуги“, Ирвин, Калифорния». Мири осторожно отодвинула их в сторону, чтобы не мешались.

— Когда-нибудь Уильям узнает, что со всем этим делать. А может, бабушка изменит свое решение и снова навестит нас.

Они открыли еще несколько коробок, помеченных «USMC», и порылись в них. Там лежали странные безрукавки, и на каждой было множество карманов — столько не набралось бы и во всей школе. Никаких документов в этих карманах не было. Хуан предположил, что карманы предназначались для боеприпасов. Мири утверждала, что для ИРСов, как бы то ни было, сегодня им потребуется много батареек, поскольку даже самые приличные из них при проверке показывали «Внимание: разряжено». Ребята разбирали ИРСы и набивали батарейками карманы двух самых маленьких курток. Еще в коробках нашлись несколько клавиатур для оборудования, которые крепились к поясу.

Ха… Прежде чем это кончится, пальцы у нас будут бегать как у взрослых… не по-детски.

Оставались последние коробки. Мири разорвала первую —

коробка была битком набита какими-то предметами, похожих на камуфляжные яйца. Из каждого торчал пучок из трех коротких антенн-отростков.

— Фью! Узлы сети. В миллион раз хуже наших, к тому же в Торри Пайнс ими пользоваться нельзя. Незаконно, — она отодвинула в сторону несколько коробок с такими же пометками, как и на узлах. За ними стояла последняя коробка, больше других. Мири открыла ее… и с торжествующим видом отступила.

— Вот. Как я надеялась, что Билл ее не выбросил… — и она вытащила нечто короткоствольное с пистолетной рукояткой.

— Пистолет!

Вряд ли это пистолет. В «Энциклопедии стрелкового оружия Джейн» он ничего подобного не видел.

— Ты сначала загляни под «системы датчиков», — Мири сунула батарейку под дуло. — Спорю, ты им и муху не сшибешь — даже прямой наводкой. Это универсальный активный зонд. Все в одном: подповерхностный георадар, сонограф… Спектроскопия отражения х-лучей поверхностью. Импульсный лазер. Такого в спортивном магазине не купишь. Слишком хороший подарок для любителей подглядывать.

— … а вот так он переключается.

Мири заглянула в коробку и вытащила металлический стержень с блестящим кончиком.

— Вот, это для радара, крепится прямо сюда. Это предназначалось для поиска туннелей… — она заметила, как Хуан разглядывает последнюю находку, и улыбнулась, поддразнивая. — *Мальчики!* В этой коробке есть еще одна такая штучка… Бери, бери. Только не надо проводить здесь полевые испытания. Ты весь дом поставишь на уши.

Через несколько минут они оба, нагруженные батарейками и с зондами за спиной, пялились друг на друга через очки и хохотали.

— Ты похож на человека-муху, — сообщила Мири. В инфракрасном свете очки были огромными черными фасетчатыми глазами, а разгрузки могли сойти за хитиновый панцирь с блестками, где была активная батарейка.

Хуан взмахнул своим зондом.

— Й-йес!!! Мы — мухи-убийцы!

А в этом что-то есть…

— Знаешь, мы так вырядились… Спорю, если мы нарвемся в Торри Пайнс на группу «Foxwarner», нас пригласят сниматься.

Такое случалось, но чаще участие зрителей состояло в другом: они подбрасывали идеи относительно содержания и развития сюжетов. Мири засмеялась.

— Я же говорила: классный проект.

* * *

Мири вызвала машину, чтобы отправиться в Торри Пайнс. Ребята поднялись по лестнице и обнаружили, что мистер Гу стоит рядом с Уильямом Болванусом — с таким видом, словно пытается спрятать улыбку.

— Отлично смотритесь, — он покосился на Уильяма. — Готов?

Уильям улыбнулся.

— Когда скажешь, Билл.

Мистер Гу проводил всех троих к парадной двери. Машина Мири уже была там. Солнце почти погрузилось в стену прибрежного тумана, которая становилась все выше, по мере того как остывал вечерний воздух.

Ребята сняли очки и пошли через лужайку: Хуан впереди, Мири следом, за руку с Уильямом. С родителями Мириам Гу была почтительной и дерзкой одновременно. С дедушкой она становилась совсем другой. Хуан так и не понял, как она смотрит на Уильяма: доверчиво или покровительственно. В любом случае, все это странно.

Когда все трое забрались в машину, Уильям сел спиной к движению. Дорога проходила через восточный Фоллбрук. Окрестные участки выглядели довольно мило, хотя им не хватало той «красоты по стойке „смирно“», которая отличала Кэмп Пендлтон. Здесь и там домовладельцы украшали свои владения рекламой.

Мири смотрела назад, на рваную линию прибрежного тумана, которая вырисовывалась на фоне тускло сияющей синевы неба.

— «Туман бесстыдный тут», — процитировала она.

— «Опустит когти в нашу землю», — подхватил Хуан.

— «Запустит», — поправила Мири, и оба засмеялись. Это была просто цитата из прошлогоднего представления на День Всех Святых, однако для учеников Фэрмаунта она имела совсем иное значение. Возможно, никто не стал бы стенать по поводу «тумана на кошачьих лапах», как в прошлом, двадцатом веке. Однако… По вечерам близ побережья всегда был туман, но когда он появлялся, лазерная связь начинала давать сбои… *и мир менялся.*

— Судя по метеосводке, через час почти весь Торри Пайнс будет в тумане.

— И там появятся призраки.

— Вот класс!

И пока парк ничем не оснащен, особого разнообразия будет не добиться никакими способами.

Машина свернула на Рейч Роуд и поехала на восток, в направлении экспресс-шоссе. Вскоре туман казался просто очень низкими облаками, в которые погружалось послеполуденное солнце.

Пока они ехали, Уильям не произнес ни слова. Он взял с собой очки и батарейки к ним, но от разгрузки отказался, прихватив взамен старую брезентовую сумку. Кожа Болвануса была молодой и гладкой, но блестела от пота, взгляд пристальный, но блуждал, словно не зная, на чем задержаться. Он был способен к общению, этого Хуан не отрицал, но эти подергивания… они совсем не такие, как у взрослого, который надел «умную одежду». В них было что-то болезненное.

Хуан запросил экспериментальные модели заболеваний с подобными симптомами. Направление — геронтология… Такой странный вид кожи — признак регенерации тканей, обычное дело. Что касается дрожания… Болезнь Паркинсона? Может быть, но сегодня это *очень редкая* болезнь. Тогда Альцгеймера? Нет, симптомы не совпадают. *Ага: «Восстановительный синдром после болезни Альцгеймера».* Должно быть, до того, как терапия начала действовать, старина Уильям был настоящим овощем. Теперь его нервная система восстанавливалась. В результате может получиться вполне здоровый человек, даже если его личность случайно окажется чуть-чуть не такой, как прежде. Эти подергивания — признак окончательного воссоединения с собственной периферической нервной системой. На сегодняшний день насчитывается около пятидесяти тысяч пациентов, которых удалось вылечить от болезни Альцгеймера. Берти даже сотрудничал с некоторыми из них. Но близко, лично… Хуану стало дурно. Конечно, это здорово — что на время восстановления Уильям переехал к своим детям. Однако зачислять его в высшую школу Фэрмаунта — не самая лучшая идея. Правда, тема, которой он занимается, обзывается так: «Печатные устройства — одномоментное состояние». По крайней мере, это позволяло ему ни с кем не общаться.

Мири смотрела в окно, хотя Хуан понятия не имел, что она там видит.

— Ты знаешь, — внезапно произнесла она, — этот твой друг, Берти Жабеныш[23]… — и скорчила такую гримасу, словно покрытая слизью и бородавками жаба, которая появилась на сидении между ними, сидела здесь все время. Жаба выглядела очень реалистично.

— О… Так что «Берти»?

— Весь семестр он совал нос в мои дела, все время меня дергал, сплетничал про меня. Он надул эту идиотку Аннет, чтобы она впихнула меня в одну команду с тобой… Нет, против тебя я ничего не имею. Вышло очень неплохо, — она выглядела немного смущенной. — Но так или иначе, Берти чертовски напористый тип.

С этим было трудно поспорить. Но внезапно его осенило.

— Вы друг на друга в чем-то похожи.

— Что?!

— Ну… вы оба чертовски напористые.

Мири уставилась на него, раскрыв рот. Будет буря.

Но тут Хуан заметил, что Уильям наблюдает за ней, а на его губах играет странная улыбка. Мири закрыла рот и свирепо взглянула на Хуана.

— Да. Ты прав. Знаешь, в чем мой самый большой талант — по мнению Элис? В том, что я умею вовремя заткнуться. Между нами говоря, я бываю весьма мерзкой.

С минуту она смотрела в сторону.

— Но кроме хватки и желания покомандовать, я не вижу у себя никакого сходства с Берти. Я шумная. Я одиночка. Жабеныш — подлец и трус. Он всюду сует свои слизкие пальчики. И никто не знает, кто он такой на самом деле.

— Неправда. Я знаю Берти с шестого класса. А дружим мы почти два семестра. Он «дистанционник», вот все. Он живет в Эвансто́не[24].

Она запнулась — наверно, искала ссылки на «Эванстон».

— А ты хоть раз бывал в Чикаго? Ты когда-нибудь встречался с Берти *лично!*

— Ну, как тебе сказать… В последнее Благодарение я гостил у него почти неделю, — *это произошло сразу после того, как голубые пилюли начали действовать.* — Он сводил меня в музей железнодорожных перевозок — он рассказывает не хуже, чем в «Службе 411». Еще я познакомился с его предками, видел их дом. Хочешь, сказать, что он вообще всех надул? Берти — обычный мальчик, такой, как я.

По правде сказать, Берти познакомил Хуана далеко не со всеми своими друзьями. Иногда Хуану казалось: Берти просто боится, что если его друзья соберутся вместе, его просто оттеснят на задний план. У Берти был огромный талант налаживать связи, но он, по-видимому, считал эти связи собственностью, которую можно украсть. Это было печально.

Мири это не убедило.

— Берти не такой, как мы, Хуан. Насчет Аннет ты знаешь. Я

знаю, что он пролез во многие группы. Он всегда всем «пожалуйста», настоящий Мистер Услуга-За-Услугу…

Взгляд Мири стал печальным и задумчивым, выражение лица смягчилось. Некоторое время она молчала. Рейч Роуд закончилась, они пересекали южную границу города. Сейчас за окном расстилалась холмистая местность, расчерченная бесконечными улочками, домами и местами для прогулок. Если вам нравится оснащать местность техническими новинками и одновременно сокращать число автомобильных дорог, будьте готовы получить тихую глушь, увешанную рекламой. Однако местами это правило нарушалось. Например, самые крупные валуны были подтесаны и напоминали статуи троллей; вероятно, это была работа какого-нибудь кружка Церкви Пратчетта. Машина миновала спуск Пала и взлетела на первый из горных хребтов длиной в несколько миль, которые отделяли их от Эскондидо. Отсюда до моря было совсем недалеко.

— Прошлой осенью, — сказала Мири, — Бертрам Тодд был просто еще одним умником из моего языкового класса. Но в этом семестре он стал моей головной болью. Постоянные наезды… Он своего добился. Я его *заметила,* — последнее слово она выделила, но это не было тем словом, за которым следует действие. — Я собираюсь раскрыть его секрет. Достаточно ему один раз проколоться…

Старая песня: что бы ты ни скрывал, рано или поздно, хотя бы на секунду, это всплывет.

— Ну, я не знаю, — отозвался Хуан. — Знаешь, как лучше всего скрыть прокол? Преподнести его как большое достижение. А лучший способ сохранить секрет — нагородить вокруг кучу *якобы* секретов.

— Ха. Может, он *что-то такое?* Например, корпоративная команда.

Хуан засмеялся:

— Слушай, это мысль!

Еще несколько миль они с Мири вспоминали всевозможные киноклише, придумывая, кем может быть Берти. Берти мог быть мальчиком-роботом или — супермозгом, который вырастили в колбе на базе Форт Мид[25]. С таким же успехом Берти мог быть пришельцем, который прибыл на Землю, чтобы захватить глобальную сеть и подготовить вторжение. Он мог быть старой китайской военной программой, которая в ходе развития стала разумной, или самой глобальной сетью, которая, наконец, разбужена некими сверхчеловеческими — и, разумеется, враждебными человечеству — силами.

А может быть, Берти был творением подсознания и

воображения Хуана, а сам Хуан — некое чудовище, хотя сам об этом не догадывается. Идея принадлежала Мири. Между прочим, самая смешная из всех. Правда, в этом было что-то неприятное — по крайней мере, Хуана это тревожило.

Машина свернула на Пятьдесят Шестую. Теперь они опять ехали в сторону берега. Здесь было больше настоящего открытого пространства, зеленые холмы позолочены россыпями весенних цветов. Дома с участками исчезли, их сменила многомильная промзона. Автоматизированные лаборатории, геномные и протеомные, напоминали серо-зеленые окаменелости, пропитанные последними лучами солнца. Нет такого места, где человек не может жить и работать. Но некоторые вещи должны происходить в замкнутом пространстве, достаточно тесном, чтобы стремительные потоки информации успевали соединять части в единое целое. Эти низкие строения были двигателями физической экономики Сан-Диего; в них совместно трудились человеческий гений, механизмы и природа — трудились, чтобы творить чудеса.

Когда машина оказалась на территории лагуны к северу от Торри Пайнс, солнце снова опустилось в прибрежный туман. Оставив экспресс-шоссе, они повернули к югу и поехали вдоль пляжа. Впереди вырастали бледные утесы, расположенные в главной части парка; их вершины уже окутал туман.

Все это время Болванус хранил молчание, не обращая внимания на смех и болтовню. Однако едва Мири снова заговорила о беспокойстве, которое внушает ей Берти, и попыталась увязать это с другими предположениями, он неожиданно вмешался:

— Думаю, в каком-то смысле все очень просто. Почему Берти беспокоит тебя, Мириам? Мне кажется, существует одна возможность, настолько фантастическая, что никто из вас даже представить себе не может.

Уильям говорил приторно-лукавым тоном, словно они были совсем маленькими, однако Мири не стала дерзить в ответ.

— Ох, — она взглянула на Уильяма так, словно речь шла о некоем великом озарении. — Я об этом подумаю.

* * *

Дорога шла в гору, сквозь туман. Мири приказала машине высадить их в дальнем конце кольцевой автодороги, на вершине холма.

— Пока идем к домику лесника, оценим обстановку, — сказала она.

Хуан ступил на заросший травой асфальт. Солнце село — теперь уже точно. Блин, какой холод! Было действительно неуютно, и мальчик начал хлопать себя по предплечьям. Он заметил, что Уильям натянул жакет.

— Вам не помешает думать немного вперед, — заметил Болванус.

Хуан скривился.

— Подумаешь, похолодало… Переживу.

Ма говорит то же самое. Аддоны для перспективного планирования стоили дешево, но Хуан убедил ее, что они делают не менее глупые ошибки, чем он сам. Вытащив из машины свой «сенсорный пистолет», он сунул его в длинный карман на спине куртки — и попытался не обращать внимание на то, как дрожит.

— Держи, Мириам, — Уильям протянул девочке жакет, явно взрослый и потому достаточно свободный, чтобы его можно было надеть поверх разгрузки с туго набитыми карманами.

— О, спасибо! — Мири закуталась, отчего Хуану стало еще холоднее. К тому же он почувствовал себя полным идиотом.

— А это вам, чемпион, — Уильям бросил ему второй жакет.

Это было странно — ощущать раздражение и одновременно испытывать чувство благодарности. Хуан вытащил зонд из кармана, сунул в «кобуру» и повесил ее поверх жакета. Внезапно вечер стал куда более приятным. Скорее всего, половина его высокоскоростных портов заблокированы, но… *Черт возьми, через несколько минут мы снова будем в тумане.*

Машина отправилась в обратный путь, как только они направились в сторону сторожки. И Хуан понял, что часть информации, которую он получил о парке, устарела. Позади него были кабинки туалетов, но ни на одной картинке не было парковки — кроме тех мест, где она непосредственно примыкала к кольцевой трассе. Хуан пощупал вокруг, чтобы получить более свежую информацию.

Конечно, здесь никто не парковался. И никто не вылезал из машин. Конец апреля — это не пик туристического сезона — если говорить о присутственном туризме. Что говорить, в Торри Пайнс

«туристического сезона» как такового не бывает.

Они поднялись чуть выше пластов тумана. На западе клубились вершины облаков. В ясный день отсюда можно было увидеть океан. Сейчас глаз замечал лишь смутные силуэты, торчащие из тумана — а над ним глубокую синеву вечернего неба. На горизонте, там, где только что скрылось солнце, еще разливалось зарево — то особое зарево, которое бывает после заката. Выше висела Венера, рядом сверкал Сириус, а над ним, еще ярче — созвездие Ориона.

Хуан замешкался.

— Странно.

— Что странно?

— Я получил сообщение, — он ткнул указателем в небо, чтобы остальные обратили внимание. Действительно, баллистический модуль «FedEx», судя по обратному адресу — из Кембриджа. Модуль падал строго вертикально и с очень большой высоты.

На высоте примерно тысячи футов он эффектно притормозил, и в ушах у Хуана раздался чувственный голос:

— Вы готовы принять посылку, мистер Орозко?

— Да, конечно, — он ткнул указателем перед собой. Все это время Уильям пристально глядел в небо. Сейчас он немного вздрогнул, и Хуан догадался: он только что — наконец-то! — увидел указатель. Секунду спустя модуль уже можно было разглядеть невооруженным глазом: темное пятнышко, изредка вспыхивающее голубоватым светом. И это медленно падало в их сторону.

В десяти футах от земли модуль снова притормозил. Теперь стало ясно, что вспыхивало: по краям коробки располагалось множество крошечных реактивных двигателей. Защитники прав животных утверждали, что микротурбины издают звук, вызывающий у некоторых видов летучих мышей неприятные ощущения. Однако люди, а также собаки и кошки, не могли пожаловаться на шум. Операция проходила в гробовом молчании… до самого последнего момента. Когда посылка была примерно в футе от земли, послышалось негромкое «бум!», прошла маленькая ударная волна, и с сосен посыпались иголки.

— Распишитесь здесь, — промурлыкал голос.

Хуан расписался и подошел к посылке. Уильям был уже там; он неуклюже опустился на корточки, но в самый неподходящий момент чихнул и качнулся вперед, ударившись коленями об угол коробки.

Мири бросилась к нему.

— Уильям! Ты в порядке?

Уильям перекатился и сел, потирая ушибленное колено.

— Да, все хорошо, Мириам. Черт, — он перевел взгляд на Хуана. — Мне в самом деле очень жаль, малыш.

На этот раз он говорил без насмешки.

Хуан промолчал и присел на корточки возле коробки. Стандартная посылка весом двадцать унций. В середине крышки красовалась большая вмятина. Крышку заклинило, но материал был едва ли прочнее картона, и разорвать его не составило труда. Внутри… Хуан вытащил прозрачный мешок и поднял его, чтобы другие видели.

Уильям по-птичьи склонил голову набок и разглядывал посылку. Мешок был наполнен маленькими неровными шариками.

— Похоже на кроличий помет.

— Ага. Или на здоровую пищу, — отозвался Хуан. Чтобы это ни было… непохоже, чтобы оно пострадало от неловкости Уильяма.

— Жабеныш! — голос Мириам был резким и громким. — *А ты* тут что забыл?

Хуан поднял глаза и увидел знакомую фигуру, стоящую позади модуля. *Берти.* Как всегда, имитация реального освещения была безупречной. В слабом свете угасающих сумерек можно было увидеть, что он ухмыляется. Берти помахал рукой, приветствуя Хуана.

— Благодарить будете позже. «FedEx» любезно предоставила мне две минуты, так что у меня достаточно времени, чтобы дать вам ключ к разгадке, — он указал на пакет в руках Хуана. — Это вам очень поможет, когда вы окажетесь в парке.

— У вас *нет времени*! — крикнула Мири. — Уходи, Берти!

— Берти, — подхватил Хуан, — ты сюда явился и сорвешь нам ограниченный.

Берти переводил взгляд с одного возмущенного лица на другое, потом отвесил Мири легкий поклон.

— Я на вас удивляюсь! — он повернулся к Хуану. — Ты не совсем прав, мой дорогой мальчик. Где табличка «нарушение»? Прокторам[26] не к чему придраться. С технической точки зрения, для вас экзамен еще не начался. И я просто обязан общаться с верным участником моей команды — а именно с тобой.

Хуан сдался.

— Ладно. Что нового?

Усмешка Берти стала чуть шире, чем это позволяют анатомические возможности.

— У нас большой прогресс, Хуан! Мне повезло с сибирской группой — им как раз не хватало той идеи, которая посетила

Кистлера. Если разобраться, мы изготовили опытные образцы!

Он снова указал на пакет.

— Ты получил первое задание, — в его тоне появилась настойчивость. — На ограниченном я не вхожу в вашу команду, но ведь мы сдаем два экзамена параллельно — так, Хуан?

— Ладно, убедил.

Это было слишком даже для Берти.

Зуб даю, эти опытные образцы были готовы сегодня после полудня!

— Итак, нам нужно испытать эти «хлебные крошки». Я заметил, что верный участник моей команды следует курсом через Торри Пайнс, и подумал…

Мири пристально поглядела на незваного гостя.

— Так что ты нам *подсунул?* У меня уже есть планы.

— Полностью органические сетевые узлы, достаточно неплохие для полевых испытаний. Нам пришлось отказаться от лазеров-передатчиков и возможности перезарядки, но весь остальной набор стандартных функций у этих крохотулек сохраняется: ведущий сенсор, маршрутизатор, локатор… Сделаны они из белка и сахара, никаких тяжелых металлов. После первого же сильного дождя они превратятся в удобрение.

Мири подошла к Хуану, попросила открыть пластиковый мешок и презрительно фыркнула:

— Фу, как воняет… Спорю, они ядовиты.

— Конечно, нет, — ответил Берти. — Мы пожертвовали большой частью функций, чтобы сделать их безопасными. Можешь полакомиться, Мири, — Берти заметил выражение ее лица и хихикнул. — Хотя… думаю, не стоит. Там до хрена тяжелых соединений азота.

Хуан уставился на крошечные комочки. *Соединения азота?* Это похоже на итоговую работу, которую Хуан делал в начале этого семестра! Хуан задохнулся от возмущения, но…

— Это… это все, над чем мы бились, Берти.

Вот и все, что он мог придумать.

— Ну да, — Берти был явно очень горд собой. — Даже если набор стандартных функций будет неполным, мы получим процент от авторских прав, а это неплохие деньги.

И гарантированный высший балл на экзамене по свободному исследованию.

— Итак, Хуан. Три часа назад этот пакет побывал у органофобов из MIT. В лаборатории, где все чисто и красиво, наши шарики работают прекрасно. Теперь — как насчет того, чтобы пронести их тайком в парк и провести реальные полевые испытания? Ты готовишь материал для свободных исследований

— и одновременно вы работаете над собственным проектом. Получается действительно параллельные экзамены.

— Отвали, Берти, — сказала Мири.

Он снова поклонился.

— В любом случае, мои две минуты почти истекли. Я исчезаю.

И он на самом деле исчез.

Мири с недовольным видом разглядывала место, где только что стоял Берти.

— Знаешь, Хуан… Делай с этими навозными шариками что хочешь. Но даже если они целиком из органики, я уверена, что в парке ими пользоваться нельзя.

— Да, но это просто техническая сторона вопроса, верно? Это не мусор, который надо убирать.

Она сердито передернула плечами. Уильям подобрал остатки упаковки.

— А с этим что будем делать?

Хуан махнул рукой.

— Брось. В Джамуле[27] есть мини-узел «FedEx». У этой штуки достаточно топлива, чтобы туда долететь.

И тут он заметил ярлычок «повреждение», плавающий позади коробки.

— *Caray.* Маленькая неполадка.

Он не стал говорить о двух других ярлычках. Один предупреждал об опасности возгорания топлива, а другой — о том, что он, Хуан Орозко, расписался за пакет и несет ответственность за его надлежащее размещение.

Уильям сложил упаковку. Пустая, она весила не более двух-трех фунтов.

— Уверен, я смог бы вернуть ей первоначальный вид.

— Хм-м… — неопределенно начал Хуан.

— Думаю, ничего не выйдет, Уильям, — терпеливо начала Мири. — К тому же у нас нет инструкции. Если мы вскроем топливную систему…

Уильям кивнул.

— Неплохая мысль, Мириам, — он сунул упаковку в свой мешок, затем удивленно тряхнул головой. — Значит, она долетела сюда из Кембриджа.

Они двинулись дальше, к сторожке лесника, только теперь груз стал несколько тяжелее — как в прямом, так и в переносном смысле. Мири ворчала: она была не согласна с тем, что подарком Берти нужно пользоваться.

Однако даже в тумане «хлебные крошки» смогут дать нужную остроту восприятия… если их удастся пронести в парк. Мысли

Хуана крутились вокруг этого вопроса. Он пытался сообразить, что скажет леснику. Одновременно мальчик наблюдал за Уильямом. Болванус взял с собой ручной электрический фонарик. Кружок света метался из стороны в сторону, придавая корням деревьев и кустам резкие очертания. Если не считать морпеховских приборов Мири, фонарик был самой полезной вещью — даже более полезной, чем жакеты. В каком-то смысле Уильям совсем не глуп. Но только в каком-то…

Хуан был даже рад, что Уильям не всучил ему останки контейнера «FedEx». Иначе пришлось бы таскать их до утра: подобные материалы относились к «токсичным отходам», и оставь он их в мусорном ящике, куда положено бросать отходы нетоксичные, подозрение бы пало именно на него. Старика почти не заинтересовали «хлебные крошки». Однако упаковка, в которой их доставили… Почему-то именно *это* его зацепило.

У входа в парк связь все еще оставалась неплохой, но сторожка пряталась за холмом, и Хуану никак не удавалось ее увидеть. К сожалению, веб-сайт государственных парков находился в стадии разработки.

Хуан просмотрел окружающее пространство, но не нашел ничего, кроме старых картинок. Не исключено, что сторожка необитаема. В ночь на понедельник, когда туристический сезон еще не начался, для обслуживания всех государственных парков Южной Калифорнии достаточно одного оператора «Службы 411».

Едва сойдя с дороги и сделав несколько шагов в сторону сторожки, они увидели ее. Не будочку, которую можно спутать с туалетом, не киоск. Это был огороженный домик с ярким освещением — реальным — и физически присутствующим лесником, мужчиной среднего возраста — наверно, лет тридцати пяти.

Лесник встал и шагнул в лужицу света.

— Добрый вечер, — он обращался к Уильяму и словно только потом заметил Мириам и Хуана в тяжелых разгрузках. — Здрасти, ребятки. Чем могу помочь?

Мири многозначительно взглянула на Уильяма, и в его глазах появилось что-то вроде паники.

— Извини, Манчкин, — промямлил он, — я не помню, что ты делаешь в этих местах.

— Все путем, — Мири повернулась к леснику. — Мы хотим приобрести пропуск на ночь, без кемпинга, на троих.

— Вы его получили.

В воздухе, между ними, возникли квитанция и список правил поведения в парке.

— Подождите, — лесник на миг исчез в домике и появился с

палочкой, похожей на старинный ручной сканер; вещь действительно была древней. — Для начала надо кое-что сделать.

Он обращался к Уильяму, но явно имел в виду всех троих. Первые пункты правил засветились ярче.

— Внимательно читайте вывески. Не разрешается карабкаться на утесы. Если вы заберетесь на ту сторону утеса, что смотрит на море, мы *узнаем,* и вы будете *оштрафованы.* Оптические приборы есть?

— Да, сэр, — Мириам протянула свои «очки» так, чтобы на них падал свет. Хуан распахнул жакет, демонстрируя разгрузку. Лесник засмеялся.

— Вау… Давно такого не видел. Только не разбрасывайте батарейки по всему парку. Так… — он отвернулся от Уильяма и помахал своей палочкой вокруг Мириам и Хуана. — Это очень важно, люди. Оставьте парк таким, как вы его нашли. Никакого мусора, никаких сетей. Мусор скапливается, потому что в одних местах мы можем его убрать, а в других нет.

Двигаясь мимо кармана жакета, сканер издал что-то вроде тихого ржания. *Вот дерьмо. Должно быть, отвечает на запрос:* Скорее всего, «опытные образцы» Берти невозможно полностью выключить.

Лесник тоже услышал звук. Он направил кончик на карман, нагнулся и прислушался.

— Уверен, ложная тревога. Что у тебя там, сынок? Хуан протянул ему пакет с темными неровными шариками, и лесник поднес подозрительный предмет к свету.

— Это еще что такое?

— Хлебные крошки, чтобы не заблудиться, — произнес Уильям, прежде чем Хуан успел раскрыть рот.

— Да ну? Можно я попробую?

Он удивленно открыл пакет; Хуан молча наблюдал за ним широко раскрытыми глазами.

— Выглядят аппетитно — наверно, шоколадные, — он вытащил комочек и сдавил его двумя пальцами. — *Dios*[28]!

Похоже, вонь ударила ему в нос. Лесник бросил на землю то, что осталось от катышка, и посмотрел на бурые пятна на пальцах.

— Пахнет как… ужасно пахнет, — он швырнул мешок обратно в руки Хуану. — Не знаю, малыш. Странные у тебя вкусы.

Но на этом досмотр был закончен.

— Ладно, друзья мои. Думаю, вы можете идти. Я покажу вам путевой указатель. И… — он не договорил и рассеянно посмотрел куда-то вбок. — Упс. Насколько я понимаю, какие-то люди решили заглянуть в парк горы Куямака — у меня там сегодня тоже дежурство. Ну как, идете? — он указал на тропинку, которая

вела на север от сторожки. — Указатель вы точно не пропустите. Даже если он упал, там внизу большой знак.

Он помахал им и вернулся к разговору с теми, кто пришел посмотреть парк в горах.

За путевым указателем парк был действительно диким местом. Никакого обустройства. Еще сто с чем-то футов беспроводная связь сохранялась, но даже она постепенно пропадала. Мири зарегистрировалась в службе прокторов. Таким образом их команда засвидетельствовала, что приступает к локальному экзамену. Учитывая, что дикая природа естественным образом изолирует их от глобальной сети… Такой ход мог быть поставлен им в заслугу!

Наивный… Знать, что ты отрезан от всего мира, оказывается, довольно неприятно. Это все равно как не иметь возможности почесать там, где чешется, вытащить попавший в носок камушек.

— Мири? Я накопал массу всего о парке, но добрая часть инфы уже устарела…

Вообще-то, подобная проблема не стоила выеденного яйца, но сейчас, когда невозможно выйти в сеть и найти что-нибудь посвежее…

— Не волнуйся, Хуан. На прошлой неделе я немного раскошелилась и воспользовалась «Службой 411». Видишь?

Несколько гигабайт информации. В лазерном луче замелькали картинки, колонки текста… Она *готовилась.* Карты и картинки выглядели весьма современными.

Мири уверенно выбрала один из указателей и повела своих сопровождающих по мягкой тропинке, которая, поворачивая то вправо, то влево, сбегала по склону холма в направлении северо-запада. Еще девочка настояла, чтобы Уильям надел запасные «очки» вместо того, чтобы пользоваться фонариком.

Болванус двигался неуклюже. Нет, дело не в том, что он *был* неуклюжим — просто через каждые четыре шага у него начинался приступ беспорядочного подергивания. Хуан почувствовал, что испытывает неловкость наблюдая за ним. Мальчик отвел взгляд и принялся играть с меню своих «очков».

— Эй, Мири! Попробуй «VIS AMP»[29]. Классно!

Некоторое время они шли молча. Хуан никогда не бывал в Торри Пайнс… нет, был как-то, с родителями, совсем маленьким. Но это днем. А сейчас, с VIS AMP… Свет Венеры, Сириуса и Бетельгейзе проникал сквозь ветви сосен, и тропинку опутали разноцветные ажурные тени. Цветы закрылись, но… вот желтые и красные вспышки в зарослях толокнянки, а вот кургузые блеклые кактусы. Здесь было мирно… и поистине красиво. И даже если очки позволяют тебе видеть только прямо перед собой и чуть-чуть

по сторонам… Подумаешь! Если разобраться, в этом даже есть свой смак. Он видит это сам, без посторонней помощи, делая шаг навстречу истинной реальности.

— О'кей, Хуан. Давай бросим несколько катышков Берти.

И они бросали на землю хлебные крошки, чтобы не сбиться с пути…

— Давай, — Хуан открыл пакет и уронил один из шариков возле тропки. Ничего. Он вынул несколько беспроводных устройств для диагностики нижнего слоя. *Вау…*

— Как тут тихо!

— Чего ты ожидаешь? — сказала Мири. — Помни, никаких сетей.

Хуан нагнулся, чтобы проверить «катышек». Сканер лесника вызвал слабый сигнал. Сейчас Хуан хотел получить отклик, но ничего не происходило. И Берти не объяснил, как снять блокировку. *Ладно, может быть, это неважно.* Хуан всегда был запаслив, как хомяк, и носил на одежде полный набор стандартных энейблеров[30]. Один за другим он пробовал подгрузить их в память «катышка». Оставалось еще полсписка, когда на контактах сверкнула искорка — разумеется, виртуальная.

— Ага. Этот живой! — он повернулся и догнал Мири и Уильяма.

— Хорошая скорость, Хуан.

Ну, хоть в чем-то угодил.

Тропинка была довольно широкой. Под ногами хрустел песок, сучковатые сосны опускали лапы с длинными иголками, словно тянулись к волосам Хуана — прямо в лицо Болванусу. Хуан успел загрузить много всякой всячины, где упоминался этот парк. Например, сообщение о том, что Торри Пайнс — последнее место на земле, где остались эти сосны. Они пустили корни на крутых склонах и висели так — год за годом, назло эрозии, засухе и холодным океанским бризам. Хуан оглянулся на неуклюжий силуэт Уильяма, ползущего следом за ним, подволакивая ноги. *Да-а.* Старина Уильям — тоже что-то вроде сосен Торри[31].

Сейчас они поднялись выше тумана. Справа и слева, величественные и безмолвные, плыли по ветру полупрозрачные дымчатые колонны. Звездный свет тускнел, потом становился ярче.

Узел, который Хуан оставил позади на дороге, тоже «тускнел», скорость передачи данных приближалась к нулевой. Он вынул второй «катышек», подгрузил правильный энейблер и бросил сбоку от указателя. Диагностика показала бледное свечение нижнего слоя, через секунду второй узел состроился с

первым, и тот снова ярко вспыхнул.

— Есть контакт. Я получаю данные, отправленные с первого узла.

Ха. Обычно вы не думаете о таких деталях. Эти приспособления напомнили Хуану игрушечную сеть, которую Па купил ему, когда еще работал. Хуану было только пять лет, и игрушечные узлы были чудовищными железяками, но как это было здорово — укладывать их вокруг дома! Помимо нескольких дней счастья, которые пережили они с папой, Хуан получил представление о сетях с произвольной топологией — раньше, чем большинство взрослых.

— Отлично, я вижу, — откликнулась Мири. — Но мы не будем связываться ни с чем, кроме этих навозных шариков — верно? Я не хочу, чтобы из внешнего мира что-нибудь приходило.

Да, да, именно так. Это ограниченное исследование.

— Если не будем слишком громко орать, нас никто не услышит, — он бросил еще пять или шесть «катышков», чтобы точно представлять свое местоположение относительно сети. В окошке диагностики тусклое мерцание «предположительной оценки» сменилось алмазно-острым сиянием.

Туман поднимался, сгущался над головой, звездное небо подернулось дымкой. Мири, которая шла впереди Хуана, споткнулась.

— Смотри под ноги…

— Знаешь, здесь уже в самом деле темновато.

Местами туман был такой плотный, что VIS AMP был всего лишь цветной помехой.

— Да… думаю, пора переходить обратно на ИК.

Они остановились и, чувствуя себя полными идиотами, вертели штырьки у себя на затылке. Вообще-то такие вещи должны делаться автоматически. В ближнем инфракрасном[32] ситуация была не лучше. Некоторое время они наблюдали нити NIR-лазеров[33], которые спорадически вспыхивали между портами на их одежде; в этом тумане крошечные лазеры больше чем на пять футов не ловили.

Мири по-прежнему шла первой.

— Ну вот, — объявила она. — Так куда лучше.

Хуан наконец-то заставил свой прибор работать на более длинных волнах. Теперь лицо Мири пылало, как печка, а чернота ее «очков» казалась особенно холодной. Большинство растений были слегка красноватыми. У его ног багровела деревянная ступенька лестницы с тремя черными дырками.

Хуан ощупал их. Ничего себе дырки! Холодные, металлические… Ха, это же головки стальных штырей, которыми

сколочена лестница.

— Пошли, — сказала Мири. — Я хочу спуститься ближе ко дну каньона.

Лестница оказалась крутой, с толстыми деревянными перилами со стороны обрыва. Основной головной болью был туман, однако в тепловом диапазоне можно было видеть по крайней мере на десять ярдов. Тусклые красноватые светлячки всплывали в толще темноты, ловя восходящие потоки более теплого воздуха. Дно каньона было где-то внизу — дальше, чем можно было предположить. Хуан бросил еще несколько хлебных крошек и оглянулся, чтобы увидеть маячки других узлов. Что за дикие установки! Свет диагностических лазеров «катышков» возникал на его контактных линзах, где он обычно видел все расширения. Но сейчас на нем морпеховские «очки», которые просто усиливали свет. А если без них?.. Он остановился, отключил одежду и на минуту снял очки. Темнота, абсолютная темнота и прохладный влажный ветерок на лице. И кто бы говорил про изоляцию!

Он услышал, как Уильям подошел сзади и остановился. Секунду оба стояли молча и прислушивались.

— Ты в порядке, Уильям? — голос Мири раздавался далеко снизу.

— Конечно, нет проблем.

— О'кей. Не хотите спуститься ко мне? Мы встанем достаточно близко, чтобы удерживать хорошую скорость передачи данных. Ты ловишь со своих катышков какие-нибудь картинки, Хуан?

Берти говорил, что ведущие сенсоры у них остались.

— Ничего! — Хуан снова натянул очки и пошел вниз. Никакого видео «хлебные катышки» не показывают. Его просто не может быть: все, что он получал — это данные диагностики. Он взял еще один «катышек», швырнул подальше, в пустоту. На контактных линзах тут же появилось ее изображение. Он падал, падал… Хуан «видел» его слабый виртуальный свет даже сквозь твердую породу.

Еще несколько минут он изучал данные диагностики.

— Знаешь, я думаю, они посылают видео по низкоскоростному каналу…

— Супер. Сейчас настроюсь на обычное радио, — Мири продолжала спускаться, но уже не опиралась на перила.

— … но я не знаю этот формат.

Он показал ей, что у него есть. Похоже, сибирские приятели Берти использовали нечто совсем редкостное. Обычно Хуану достаточно было нескольких запросов и пяти-шести секунд, чтобы

определить формат. Но здесь ситуация была во всех отношениях *темной.*

Мири гневно передернула плечами.

— Итак, Берти дал тебе нечто полезное, но оно станет полезным, только если мы громко попросим о помощи? Никогда. Я не позволю Берти наложить свои бородавчатые лапки на *мой* проект!

Эй, Мири, предполагается, что мы с тобой — одна команда!

Как будет славно, если она перестанет относиться к нему, как к грязи. Но относительно тактики Берти она права. Берти дает что-нибудь стоящее — и отбирает какие-нибудь мелочи, которые позволяют этим воспользоваться. Сначала протокол разблокирования, теперь этот дикий видеоформат. Берти думает, что рано или поздно они приползут к нему, прося его стать призрачным членом команды.

Я мог бы вызвать его.

Одежда у Хуана была достаточно мощной, чтобы без особого труда пробиться по радиосвязи к узлам сети в Дель-Мар-Хейтс. На это ушло бы несколько минут. Да, есть реальный риск, что его засекут — прокторы в Фэрмаунте работают на совесть. Но они не в состоянии отслеживать все маршруты одновременно. Сегодня вечером Берти практически хвастался, что они кого угодно так обхитрят.

Будь ты неладен, Берти. Я не собираюсь нарушать изоляцию.

Хуан снова просмотрел данные, поступающие с «катышков». Да, как все таинственно. Кажется, это настоящие картинки, только инфракрасные, тепловой диапазон — это из-за темноты.

И у меня есть много знаменитых видеофильмов. Их можно сравнивать с тем, что я видел через очки в течение последних минут.

Может быть — потому, что сейчас время, когда с собственными воспоминаниями можно творить чудеса благодаря той остроте, которую дают маленькие голубые пилюли. Если вспомнить, какие блоки изображения могут соответствовать тому, что видят «хлебные катышки», и загрузить это в свою одежду, то обычная реверсивная техника вполне способна…

В течение нескольких секунд Хуану казалось, что в голове у него совершенно пусто. Миг бесконечной паники… и тут он пришел в себя. Он снова загрузил картинки в свою одежду, и почти сразу же она начала выдавать решения.

— Как тебе, Мири? — он показал ей лучшее из того, что получилось в итоге, и за пять секунд увеличил резкость изображения, поскольку его одежда зарегистрировала выбросы корреляционной функции.

— Вау! — картинка показывала корни большой сосны ярдах в двенадцати назад по тропинке. Прошло несколько секунд — и появилось другое изображение, черное небо и слабо светящиеся ветви. Действительно, каждый «катышек» генерировал тепловое инфракрасное изображение с низким разрешением примерно каждые пять секунд, даже несмотря на то, что не все успевал отправлять.

— А что за цифры? — в тех местах, где находились самые сложные детали картинки, плавали скопления чисел.

Упс.

— Это точки графической иерархии, — так оно и было, но в том, как их использовать, Хуан не хотел разбираться. Он сделал сигнал стереть их со всех будущих картинок.

Мири молчала, пока разглядывала картинки, полученные с «катышков» — тех, что остались на тропинке, и того, который он бросил вниз. Хуан приготовился к закономерному вопросу вроде такого «А что мы ищем?» Но тут она сказала:

— У этих картинок такой же формат, как и у сибирских головоломок, верно?

— Похоже.

На самом деле все форматы были разные. Так обычно делают антиобщественные группы, которые просто тащатся от того, что их системы недоступны для непосвященного большинства.

— И ты распутал это за пятнадцать секунд?

Через пятнадцать секунд Хуан понял, что ему иногда действительно не мешает подумать вперед:

— Ну, — сказал он, счастливый и гордый.

Часть ее лица, не прикрытая очками, вспыхнула.

— Ты лживая крыса! Ты говорил с внешним миром!

Похоже, с его лицом произошло то же самое:

— Не смей называть меня лжецом! Ты знаешь, что я хорошо знаю интерфейсы.

— Не настолько, — она была неумолима.

Caray. Правильная ложь пришла в голову Хуану только сейчас — и слишком поздно. Он мог бы сказать, что видел такой формат раньше! Сейчас остается только один безопасный выход: «признаться», что он говорил с Берти. Но нет. Нельзя, *в таком* он никогда не признается, даже если она и дальше будет думать, что он лгал.

Несколько секунд Мири пристально смотрела на него.

Украшенное очками лицо Уильяма поворачивалось от одного к другому, словно Болванус следил за теннисным матчем. Когда он нарушил молчание, в его голосе звучало легкое удивление:

— Так что ты сейчас делаешь, Мириам?

Хуан уже догадался.

— Она наблюдает за туманом и слушает.

Мири кивнула:

— Если бы Орозко тайком вышел на беспроводную, я услышу это. Если бы он пробивался куда-то направленно, я бы видела побочное рассеяние из тумана, сейчас я ничего не вижу.

— Так может быть, я разбрызгал микроимпульсы, — тон получился недостаточно обиженным, хотя Хуан пытался говорить насмешливо. Даже самая короткая вспышка лазера в тумане оставит послесвечение.

— Может быть. Если ты действительно что-нибудь вытворишь, Хуан Орозко — я добьюсь, чтобы ты вылетел из школы, — она отвернулась, чтобы осмотреть обрыв. — Идем дальше.

* * *

Лестница становились круче; наконец, они достигли поворота и прошли почти на уровне земли около шестидесяти футов. Другая сторона ущелья была в пятнадцати футах.

— Наверно, мы уже на самом дне, — заметил Болванус.

— Нет, Уильям. Эти каньоны ужасно глубокие и узкие. Блин, — Мири сделала знак остановиться. — У меня батарейка села.

Она ощупала низ своего жакета и заменила негодную батарейку другой, которая была разряжена лишь наполовину. Потом снова надела «очки» и посмотрела поверх перил.

— Ф-ф-фу… Неплохой вид, — она махнула рукой в сторону дна каньона. — Знаешь, Орозко… может, попробуем сделать активное зондирование?

Хуан вытащил «пистолет» из кобуры на спине и подключил к системе в разгрузке. Когда связь установилась, выяснилось, что большинство опций присутствуют.

[image]

— Что ты хочешь проверить?

— Подповерхностный георадар, — она «прицелилась» в склон каньона. — Выведи свой на полную мощность, и тогда мы оба все увидим.

Хуан повертел ручками управления, и послышалось очень слабое «щелк»! — это импульс радара ушел в сторону скалы.

— Ух ты! — через «очки» рассеяние отраженного импульса

выглядело бледно-лиловой тенью поверх инфракрасной картинки. При свете дня, на снимках, которые Хуан скачал, эти скалы были белым песчаником с выемками и зубцами, которые не могли высечь лишь вода и ветер. Микроволны обнаружили то, о чем при видимом свете можно было только догадываться: влага буквально разъедала скалу изнутри, ослабляя ее.

— Целься ниже.

— О'кей, — он выстрелил еще раз.

— Видишь? Вон там, ниже? Похоже на маленькие туннели, прорезанные в скале.

Хуан вглядывался в рисунок бледно-лиловых полос. Они выглядели иначе, чем полоски выше, но…

— Думаю, в этом месте скала вся пропитана влагой. Мири?

Но Мири уже бежала вниз по лестнице.

— Кинь еще «катышков»! — крикнула она.

Миновав вниз еще футов тридцать, они достигли места, где тропинка была завалена крупными обломками. Здесь идти приходилось очень медленно. Уильям остановился и указал им на дальнюю стену:

— Смотрите, указатель.

Да, это была квадратная деревянная доска, вбитая в песчаник. Уильям включил свой фонарик и сделал шаг в сторону.

Приподняв «очки», Хуан убедился, что от фонарика Уильяма толку мало: уже в десяти футах все исчезало в жемчужно-белом тумане. Но жирные буквы на табличке были хорошо видны.

«Горе толстяка»

Уильям захихикал и чуть не потерял точку опоры.

— Как тебе? Старомодная надпись, предел того, чего мы добиваемся от контекстных ярлычков. Пассивно, информативно и точно отражает, что у вас впереди.

— Конечно. А можно, я наведусь на него, раскрою и пойму, что имеется в виду?

Уильям потушил свой фонарик:

— Подозреваю, это означает, что ущелье дальше сужается.

О чем мы уже знали из карт Мири. В путевом указателе это выглядело как долина сто футов в поперечнике. Она становилась уже и уже, пока расстояние между стен не сократилось до десяти футов. И отсюда…

— Здесь еще разбросай, — Мири указала прямо вниз.

— С'час.

«Катышков» оставалось еще немало. Он аккуратно бросил шесть в указанном направлении. Минуту они стояли молча, наблюдая диагностику сети: по приблизительной оценке, одна из

«крошек» оказалась на двадцать пять, а то и тридцать футов ниже остальных. Почти у самого дна ущелья. Хуан перевел дыхание.

— Так ты собираешься, наконец, сказать нам, что конкретно мы ищем, Мири?

— *Конкретно* — не знаю.

— Но людей из UCSD[34] ты видела именно здесь?

— Кое-кого — здесь, но в основном — южнее долины.

— О господи, Мири. Так ты привела нас *сюда* вместо них?

— Послушай! Я не собираюсь секретничать! Когда я оккупировала Дель-Мар-Хейтс, мне удалось разглядеть холмы над этим каньоном в туристский телескоп. Через неделю после того, как парни из UCSD уехали, растительность в парке стала какой-то другой. Заметнее всего это в нашей долине. Дальше, по ночам летучие мыши и совы вначале стали более активны, чем раньше, а потом их активность резко упала. И сегодня ночью мы заметили несколько туннелей в скалах.

— Это все, Мириам? — загадочным тоном осведомился Уильям.

Девочка не вспылила — скорее, смутилась.

— Ну… это только сама ситуация. За поездками в парк в январе стояли Феретти и Восс. Один занимается комплексной этологией; второй — протеомикой, причем творит там что-то безумное. Их обоих вызвали в Сан-Диего совершенно внезапно, вроде как в качестве научных консультантов для муви-съемок. И я уверена… почти уверена, что оба консультируют «Foxwarner».

Хуан вздохнул. Не больше того, что она говорила вначале. Может быть, самая большая проблема Мири не в том, что она строит из себя начальника… а в том, что она уж слишком верит в успешность своего проекта. Хуан фыркнул.

— И ты решила, что если мы хорошенько пошарим под кустиками, то непременно обнаружим вещественные доказательства?

Хотя — почему бы и нет.

— Да, решила! Кто-то должен поймать их первым. С нашими зондами и — да-да! — «навозными шариками» Берти мы мимо не пройдем. Моя версия: «Foxwarner» хочет переплюнуть «Спилберг-Роулинг» с их прошлогодними чудищами из магмы. Это будет что-то маленькое — и такое, во что все поверят. Если у тебя в консультантах Феретти и Восс — спорю, это будет что-нибудь на тему побега из лаборатории биологов.

И лучшего места действия, чем Сан-Диего, не найдешь.

Новую порцию «катышков» Хуан разбросал совсем неподалеку. Теперь сеть разрослась и напоминала о себе яркими, как алмазы, виртуальными вспышками — сверху и снизу.

Воистину, каждый был крошечным «глазком», а вся сеть — двадцатиглазым существом, которое наблюдало за каньоном. Разрешение картинок оставляло желать лучшего, но в целом массив информации оказался слишком велик, чтобы разом загрузить его в одежду. Приходилось тщательно отбирать точки обзора.

— Ладно, — сказал Хуан. — Давайте сядем и понаблюдаем.

Однако Уильям остался стоять и пристально смотрел куда-то вверх. Может быть, у него какие-то проблемы с видео, которые Хуан ему сбрасывал? Тогда сейчас перед ним все как в тумане.

— Чувствуете, гарью пахнет? — внезапно спросил Уильям.

— Что-то горит? — Хуан почувствовал острый укол тревоги и потянул носом, ловя запах сырого воздуха. — Может быть.

А может быть, это какие-нибудь ночные цветы. Никогда не поймешь, чем пахнет и пахнет ли вообще.

— Я тоже чувствую, Уильям, — сказала Мири. — Но, думаю, сейчас еще слишком сыро, чтобы чего-то опасаться.

— К тому же, — подхватил Хуан, — если огонь близко… У нас есть «очки», и мы увидим горячий воздух.

Может, кто-то просто развел костер на пляже.

Уильям пожал плечами и снова принюхался к воздуху.

Да, у Болвануса есть одно сверхчувство… и то совершенно бесполезное.

Через минуту Уильям уселся рядом с ребятами, но, похоже, совершенно не обращал внимания на картинки, которые Хуан ему посылал. Он полез в свою сумку и вытащил упаковку из-под посылки. Да, вот это ему и в самом деле интересно.

Он мягко согнул пластик, затем пристроил коробку к себе на колени. Несмотря на все предостережения Мири, Болванус явно хотел вернуть ему форму. Вот он прижал центр упаковки, словно приготовился нанести точный удар… И тут рука снова задрожала, и все пришлось начинать сначала.

Хуан отвернулся. *Господи, как сидеть жестко… И холодно.*

Он снова облокотился на скалу и прокрутил картинки, которые он получал от хлебных крошек. Как все безрадостно… Но они сидели тихо, не разговаривая… а вокруг раздавались *звуки.* Может быть, насекомые? А слабое ровное биение, похожее на пульс, которое доносится откуда-то издалека? Машины? Может быть. Потом он понял, что это гул океанского прибоя, приглушенный туманом и рассеянный в зигзагах каньона. Да, здесь и в самом деле тихо.

Внезапно рядом что-то хлопнуло. Хуан обернулся. Уильям! Болванус приноровился и еще раз ударил по упаковке. Теперь она уже не выглядела куском мятого пластика… а на месте

предупреждающего ярлычка горел маленький зеленый огонек.

— Ты ее выправил, Уильям, — сказала Мири.

Уильям усмехнулся.

— Ха! Каждый день, с каждым шагом я меняюсь к лучшему, — он на секунду смолк, и его плечи слегка поникли. — Ну, во всяком случае, меняюсь.

Хуан посмотрел в щель между стенами каньона над головой. Похоже, места достаточно.

— Поставь ее на землю, Уильям. И она улетит в Джамул.

— Ну нет, — возразил Уильям, запихивая коробку обратно в мешок.

Хорошо, что коробка холодная. Радуйся, Уильям.

Они сидели, слушая прибой, смотрели «муви от хлебных катышков». Иногда на картинках что-нибудь происходило — например, мелькали какие-то пятна, которые могли быть ночными бабочками. Но один раз появилось нечто более достойное: ребята увидели ярко светящуюся морду, а ниже — туманные очертания лапы.

— Уверена, это лиса, — сказала Мири. — Но картинка пришла сверху. Нас больше интересуют те, что со дна.

— Согласен.

Внизу все было совсем скучно. Возможно, ее разговоры про киношников — это просто треп. Хуан уделял новостям кино куда меньше внимания, чем большинство людей… и сейчас ему было просто не с чем сравнить. Проклятье! По дороге в парк он успел набрать из сети кучу всякой чепухи… и почти никаких киношных сплетен.

— Эй, смотри: змея, — сказала Мири.

Картинка поступала с «катышка», который приземлился на куст, растущий в нескольких дюймах от дна каньона. Это была очень хорошая точка обзора, но никакой змеи Хуан не увидел. Только сосновую шишку и рядом с ней — какие-то волнистые линии на темном песке.

— А… Она дохлая, — в инфракрасном диапазоне луча тело едва можно было разглядеть — только из-за изменений в текстуре. — А может, вообще сброшенная кожа.

«Вокруг нее следы», сказала Мири. «Думаю, это мышиные следы».

Хуан прогнал изображение через несколько программ и вытащил полдюжины хороших отпечатков. В память были подгружены картинки по исследованию дикой природы. Он смотрел на них, трансформируя и коррелируя.

— Следы мышиные, только это не сумчатая мышь и не белоногий хомячок. Слишком большие, и пальцы расположены

под другим углом.

— С чего ты взял? — В ее голосе звучало подозрение. Хуан не собирался дважды наступать на одни грабли.

— Данные исследований я скачал раньше, — честно ответил он. — И кое-какие свежие аналитические программы, — *а вот это было неправдой.*

— Ладно. Так что насчет мышей…

И в этот момент прибыла новая картинка.

— Ох, ничего себе!

— Вау!!!

— Что такое? — очнулся Уильям. — Сейчас я вижу дохлую змею…

Очевидно, он просматривал предыдущие картинки.

— Видишь, Уильям? Мышь, прямо под нашим «катышком!»

— И прямо на нас смотрит!

Блестящие бусинки глаз и вправду смотрели в преобразователь.

— Мыши в темноте не видят! — сказал Хуан. — Зуб даю.

— Ну, у «Foxwarner» никогда не стремились к тому, чтобы все было как в жизни.

Хуан задал картинкам, поступающим с «катышка», высший приоритет. *Давай, давай!* Одновременно он пристально разглядывал первую. В тепловом диапазоне шкурка мыши казалась тускло-красной с плавным переходом в оранжевый — там, где мех становился короче. Но кто знает, как она выглядит при свете дня? Ох… а головка у нее совсем как…

И тут пришла новая картинка. Теперь там было *три* мыши, и все глядели на них.

— Может быть, они не *видят* «катышек»? Может быть, они чувствуют вонь?

— *Ш-ш-ш!* — зашипел Уильям.

Мири подалась вперед, прислушиваясь. Хуан натянул наушники и тоже стал вслушиваться, сжимая кулаки от напряжения. Может быть, это у него просто разыгралось воображение… или внизу что-то скребется? Огонек-маячок «хлебного катышка» мерцал почти в тридцати футах под ними.

И он двигался.

Хуан услышал, как Мири быстро, украдкой перевела дух.

— Думаю, они трясут куст, на котором он висит, — тихо сказала она.

Следующая картинка, похоже, пришла прямо с земли. Неясные очертания лапок и очень четкий снимок головы.

Хуан настроил резкость изображения и сделал еще несколько сравнений.

— Знаешь, какого цвета эти мыши?

— Конечно, нет.

— Может, белые? Я имею в виду… лабораторные мыши должны выглядеть чистенькими…

На самом деле, надо было просто как-то выкрутиться. Он уже был готов сказать: «Конечно, белые. И форма головы такая же, как у мышей из генетической лаборатории № 513». Этот вывод был сделан с помощью всем известной прикладной программы и на основе хранящейся у него информации об исследованиях… но ни один нормальный человек не смог бы произвести сравнение так быстро, как он это сделал сейчас. К счастью, Мири слушала его вполуха: судя по вспышкам маячка, «хлебный катышек» двигался мелкими толчками, горизонтально. Следующая картинка, которая пришла, была мутной.

— Они его катают. Играют с ним.

— Или куда-то катят.

Ребята вскочили на ноги, Уильям поспешил последовать их примеру.

— Точно! — голос Мири упал до шепота. — Лабораторные мыши! Они и должны быть чистенькими. Супермыши-беглянки… Это может быть римейком «Секрета NIMH»!

— В «NIMH» были крысы[35].

— Это уже мелочи, — она выглядела так, словно поймала след. — Момент выбран просто суперски. Авторское право на второй римейк истекает. И ты видишь, как все реально выглядит? Еще несколько месяцев назад таких аниматроников[36] и в помине не было.

— Может быть, они *настоящие?* — спросил Уильям.

— Ты имеешь в виду дрессированных мышей? Может быть. По крайней мере, это только часть шоу.

На последней картинке была только темнота. Похоже, элемент, посылающий изображения, уткнулся в пыль.

Они спускались ниже и ниже, пытаясь по возможности не шуметь. Возможно, это не имело значения: шум прибоя здесь слышался гораздо лучше. Во всяком случае, фальшивые мышки все еще катали брошенные им «хлебные крошки».

Но в то время как группа двигалась почти строго вниз по вертикали, «катышек» переместился в горизонтальном направлении почти на пятнадцать футов. Картинки приходили все реже и реже.

— *Caray.* Она выходит из диапазона, — Хуан достал еще три «катышка» и бросил их одновременно — со всей силы. Прошло несколько секунд, и сеть зарегистрировала новые узлы. Одна приземлилась на уступе впереди и над ними. Другая упала между

людьми и мышами. Третья… Ха! Ее маячок светился чуть дальше того места, где находились мышки! Теперь возможностей масса! Хуан поймал картинку с самого дальнего «катышка». Это был вид вдоль тропинки, по которой должны были приходить мыши. Без всякого преувеличения, зрелище было фантастическим: настоящая Йосемитская долина[37].

Наконец, спуск закончился. Теперь можно было прибавить шагу.

— Береги голову, Манчкин, — раздался сзади голос Уильяма.

— Упс, — Мири резко остановилась. — Нам туда.

Да, наверно «там» — целая долина… если ты сам — просто маленькая белая мышка. Тогда ты можешь пролезть даже там, где стенки каньона сходятся, как крылья разводного моста, застывшие в нескольких дюймах друг от друга. Мири нагнулась.

— У земли лаз шире. Я смогу пролезть. И ты тоже, Хуан, я знаю.

— Может быть, — отрезал он, отстранив ее, и протиснулся в расщелину. Зонд приходилось взять в руку — иначе в щель было бы просто не пролезть, — потом встать боком и сгорбиться… Хуан сообразил, что не снял жакет. Он двигался боком еще фут или два, таща зонд за собой. Потом проход стал шире — достаточно широким, чтобы повернуться и идти. Минуту спустя появилась Мири.

— Ха… — она посмотрела наверх. — Почти пещера. Только щель по всему потолку.

— Мне здесь не нравится, Мириам, — сообщил Уильям, который так и остался снаружи; ему было не пролезть.

— Не беспокойся, Уильям. Мы постараемся не застревать.

На худой конец, всегда можно вызвать 911.

Ребята прошли еще пятнадцать футов. Здесь проход сужался снова, еще сильнее.

— *Car-ray,* — украденная крошка выпала из сети.

— Наверно, нужно было остаться наверху и наблюдать.

Раньше надо было думать! Хуан снова просканировал сеть. На потерянном узле не было даже смутного мерцания. Однако с «катышка», который был брошен последним, поступило несколько картинок. Одна из них показывала пустую тропинку.

— Мири? Сомневаюсь, что мыши еще появятся в кадре.

— Эй! Слышишь, Уильям? Мыши уходят в какое-то отверстие.

— О'кей, сейчас посмотрю вокруг.

Хуан и Мири двинулись обратно по проходу в поисках отверстия, где могли скрыться беглецы. Все-таки странно выглядит мир без теней. Мелкий песок тропинки казался почти черным, иголки поваленной сосны чуть блестели, отвесные скалы

справа и слева — темно-багровыми в ярко-красных крапинках, которые гасли по мере того, как песчаник остывал в ночном воздухе.

— Думаешь, их гнездо будет очень ярким?

— Да, только оно глубоко, — Мири вскинула свой «пистолет» и вернула на ствол радарную насадку. — Ну, держитесь, USMC.

Они пересекли «пещеру» от одного сужения до другого. Стоило приложить «дуло» к скале, и бледно-лиловые эхограммы стали *гораздо* более детальными. Действительно, стена была пронизана ходами, судя по размеру — мышиными норами, которые уходили куда-то в толщу породы. За пять минут Хуан и Мири истратили по три батарейки, но…

— Но мы еще не нашли вход!

— Продолжай искать. Мы знаем, что он есть.

— *Caray,* Мири! Это не здесь.

— Ты прав.

Это был Уильям. Он ухитрился втиснуться в устье лаза, чтобы увидеть ребят.

— Возвращайтесь. Эти тварюшки сворачивают с тропки раньше, чем она начинает сужаться.

— Что? Откуда ты знаешь?

Уильям не ответил и полез обратно. Когда они выбрались следом, он уже был занят: сметал сосновые шишки и иголки с края тропинки. Его маленький фонарик лежал на земле.

Но для того, чтобы увидеть, что нашел Уильям, фонарик не нужен был. Край тропинки, который в инфракрасном диапазоне должен был казаться черным, тускло багровел, как головешка. Краснота растекалась по скале, словно кровь, которая, вопреки законам физики, текла снизу вверх.

Мири распласталась на земле и принялась шарить там, где сияние было наиболее ярким.

— Ха. Я куда-то попала пальцем. Только не могу найти, где кончается… — она подняла руку… и за рукой рванулся оранжевый плюмаж, багровый на кончиках, где от соприкосновения с холодным воздухом температура становилась ниже, и развернулся над ними. Слабо запахло костром.

С минуту все трое переглядывались. Удивление было столь велико и неподдельно, что, казалось, светилось сквозь черные стекла очков.

Но теплый воздух больше не поднимался из дыры.

— Похоже, мы нашли поток воздуха, — прокомментировал Уильям.

Хуан опустился на колени рядом с Мири. Оба проглядели все глаза, но разрешения «очков» не хватало, чтобы четко увидеть

отверстие. Самое большее, на что можно было рассчитывать — это заметить пятнышко, чуть более яркое, чем все вокруг.

— Попробуй пистолетом, Хуан.

Он прозондировал скалу над отверстием, потом ниже, справа, слева… В двух футах от входа нора становилась шире и несколько раз ветвилась, прежде чем сливалась с основной сетью туннелей и камер.

— А что с тем «катышком», который у нас свистнули? Если он покажет нам какие-нибудь картинки, это будет славно.

Мальчик пожал плечами и заменил в «пистолете» батарейку.

— Наверно, он в какой-нибудь дальней камере, в нескольких футах от поверхности. Ему силенок не хватает, чтобы пробиться к нам. — Хуан и Мири переглянулись и рассмеялись. — Но у нас их… целая навозная куча!

Хуан нащупал вход в отверстие и закатил в него крошку. Она вспыхнула в шести дюймах ниже, сразу за первой «развилкой».

— Попробуй еще.

С минуту Хуан изучал планировку туннеля.

— Если я брошу один вправо, спорю, что он проскочит на пару футов…

На миг сигнал от «катышка» пропал… а потом с первого, того, что лежал ближе к поверхности, пошел поток данных.

Да!

— От краденого пока ни слуху, ни духу, — сказала Мири. Один маячок мерцал в туннеле в шести дюймах от поверхности, второй — в тридцати шести.

Хуан приставил дуло «пистолета» к скале и «выстрелил», потом сдвинул, выстрелил еще раз… На максимуме мощности георадар мог зондировать мощный слой песчаника. Но много ли можно понять по отраженному сигналу?

— Думаю, у меня получится лучше, — заметил он. Мири, конечно, сомневалась, но… — Смотри: третья развилка. И его перекрывает… что-то… мягкое.

Яркое в отраженном свете, пятно бесшумно приближалось.

— Похоже, мышь.

— Да. И она движется между двумя катышками.

Поистине беспроводной двухпозиционный томограф…

Может, мне удастся все это скомбинировать.

В течение секунды весь мир для Хуана сошелся на проблеме сочетания томограммы «хлебного катышка» с отраженным сигналом георадара. Изображение становилось более и более четким. Потом, еще на секунду, затуманилось… в этот момент Хуан забыл об осторожности.

Это и вправду был мышонок. Его мордочка была обращена к

выходу из туннеля, откуда за ней наблюдали три человека. Они даже видели его внутренности — что-то вроде туманных уплотнений: череп, ребра, кости конечностей. В передней лапке что-то торчало.

В целом это выглядело как дешевая графическая подделка. К сожалению, Мири поняла это иначе.

— О'кей! *С тобой все ясно,* Хуан. Ни один человек не может работать с такой скоростью. Ты, тряпка! Ты позволяешь Берти и его «комитету»…

— Честное слово, Мири, я сам! — выпалил Хуан, защищаясь… когда защищаться совсем не стоило.

— Из-за тебя мы оба получим «F»[38], а Берти будет пожинать лавры!

Уильям наблюдал за их перепалкой с той же отрешенностью, что и в прошлый раз. Однако…

— Я вижу картинку, Манчкин, но… не думаю, что он лжет. Я думаю, что он сделал это сам.

— Но…

Уильям повернулся к Хуану.

— Ты на таблетках — верно, малыш? — мягко спросил он.

Однажды все выплывет наружу…

— Нет…

Сделать обвинение абсурдным…

Но Хуан растерялся и молчал.

С минуту Мири глядела на него, приоткрыв рот. А потом сделала нечто такое, о чем Хуан не раз думал впоследствии. Она подняла руки ладонями наружу, пытаясь заставить замолчать их обоих.

Уильям спокойно улыбнулся.

— Не беспокойся, Мириам. Я не думаю, что «Foxwarner» включит нас в свой летний релиз. Я не думаю, что кто-нибудь, кроме нас, узнает, о чем мы говорим здесь, на дне каньона в плотном тумане.

Она медленно опустила руки.

— Но, Уильям… — она махнула рукой в сторону скалы, по которой по-прежнему разливалось тепло. — В этом всем есть что-то противоестественное.

— Но что тогда считать естественным, Манчкин? Посмотри на картинку, которую сделал твой друг Хуан. Ты можешь видеть внутренности мыши. Это не анимация, — Уильям провел подергивающейся рукой по волосам. — Думаю, в какой-то из местных биолабораторий действительно произошла авария. Наверно, эти зверьки не так сообразительны, как люди, но им хватило ума сбежать… а глупые — те, кто болтался здесь в

январе.

— Феретти и Восс, — тихо проговорила Мири.

— Да. Может быть, мышки спрятались здесь, когда дно было затоплено. И этого оказалось достаточно, чтобы их одурачить. Могу поспорить, у этих тварюшек ум ненамного острее, чем у обычных лабораторных мышек. Но маленького преимущества бывает достаточно, чтобы изменить мир.

И Хуан понял, что Уильям говорит не о мышах.

— Я не хочу изменять мир, — выдавил он. — Я только хочу получить в нем кое-какие возможности.

Уильям кивнул.

— Довольно честно.

Мири переводила взгляд с одного на другого. Лицо у нее было как на торжественном собрании. Хуан пожал плечами:

— Ладно, Мири. Думаю, Уильям прав. Мы здесь совсем одни.

Она сделала легкое движение в его сторону.

— Значит, Берти тебя втянул в эту историю?

— Отчасти. Моя Ма подписала все наше семейство на участие в каком-то фрэмингхэме[39]. Я показал свои результаты Берти прошлой весной, когда провалил тест на способность к адаптации. Берти приценился и… ему как раз нужен был кто-то для анонимных исследований. Надо было опробовать действие каких-то таблеток. Что они делают?.. — Хуан пытался засмеяться, но смех получился сухим, как треск погремушки на хвосте у гремучки. — Большинство считает, что это просто шуточки. Смотри, — он постучал себя по голове, — память у меня становится просто отпадной. Все думают, что теперь от собственной памяти никакого проку. Люди говорят: «Эйдетическая память? Это еще зачем? В одежду ты можешь подгрузить в миллион раз больше, чем запомнишь собственными мозгами». Но это не совсем так. Я могу сейчас точно запоминать огромные блоки информации, а моя одежда просто выстраивает что-то вроде иерархии и снабжает каждый блок соответствующим тегом. Поэтому я могу просто назвать несколько чисел и запросить с одежды все нужные картинки — те, что туда *уже подгружены.* Поэтому и кажется, что я дико быстро соображаю.

— Выходит, вы с Берти не разлей вода потому, что ты — его супероружие? — Мири говорила спокойно и гневно, но ее гнев был направлен уже не на Хуана.

— *Да нет же!* Я читал про «эффект запоминания». А идея у меня появилась, когда я начал разбираться с собственными клиническими данными. Даже теперь, когда они нашли эту штуку, она подействует только на одного человека из тысячи. Берти *никак* не мог знать заранее, что я особенный.

— Ах, ну конечно, — отозвалась Мири.

Повисла пауза. Блин, вот так люди сначала соглашаются с тобой, а потом ждут объяснений: с какой радости ты такое отмочил. Хуан терпеть этого не мог. *У Берти талант налаживать отношения.* У него повсюду связи — в исследовательских группах, на рынках идей, в ученых советах. Но может быть, Берти просто рассчитал, как сделать лучше. Много ли у Берти случайных знакомых? Многим ли он предлагал стать круче с помощью таблеток? Большинство из них так и останутся на вторых ролях — случайными знакомыми. Но иногда Берти очень везло. *Как со мной.*

— Но Берти мой лучший друг!

Я не проболтаюсь.

— Ты можешь найти себе новых друзей, сынок, — Уильям пожал плечами. — До того, как лишиться разума, у меня был дар. Я мог сочинять песни, слова для песен. Я бы все отдал — ну, почти все, — чтобы это вернуть. А ты? Ладно. Как бы то ни было, у тебя есть дар — изумительный дар, каким бы образом ты его ни получил. И ты не принадлежишь никому, кроме самого себя.

— Я… я не знаю, Хуан, — осторожно сказала Мири. — Сейчас лекарства, изготовленные по спецзаказу — такая же запрещенная штука, как наркотики в двадцатом веке.

Ты не можешь их полностью протестировать заранее. То, чем ты пользуешься, может…

— Я знаю. У меня мозги могут расплавиться, — Хуан коснулся лица, провел по холодному пластику «очков». В какой-то миг его мысли обратились к прошлому. Старый страх, старый стыд… уравновешенные странным чувством. Удивительно, в целом мире только этот мальчик-старик смог понять его.

Но даже сейчас, когда его глаза были закрыты, мир никуда не исчез, и Хуан мог видеть свечение «хлебных катышков». Он безучастно созерцал их несколько секунд, потом удивление пересилило страх.

— Мири… они *движутся.*

— Чего? — оказывается, Мири наблюдала за сетью с еще меньшим вниманием, чем он сам. — Точно! Вниз по туннелям, от нас.

Уильям подвинулся к мышиной норе и прижал ухо к каменной стене.

— Держу пари, наши маленькие друзья потащили ваши навозные шарики туда же, куда унесли первый.

— Можешь получить картинки оттуда, Хуан?

— Угу… Так, одна есть.

Тепловой проблеск светящегося пола туннеля. Неровные

куски чего-то, похожего на мелко разорванную бумагу. Прошло несколько секунд, и тусклое виртуальное свечение пробилось сквозь скальную породу.

— Это маячок первого «катышка»! — сигнал пришел с глубины пять футов. — Сейчас появился узел, через который он может передавать.

— Но мы можем и потерять их.

Хуан протиснулся мимо Уильяма и бросил еще две «крошки» вниз в отверстие. Одна прокатилась добрых три фута. Другая остановилась в шести дюймах… и снова сдвинулась, словно у нее выросли ноги.

— Мыши переставляют узлы так, как нам надо!

Все маячки, кроме самого дальнего, мерцали ярким светом. Теперь картинок было много, но все нечеткие. По мере того как «катышки» нагревались в горячем воздухе туннеля, на изображениях появлялось все больше мелких деталей. Но вот сами мыши… Только лапки, мордочки, блестящие глазки.

— Эй, смотри! У бедной мышки заноза в лапке!

— Ага. По-моему, я эту уже видел. Погоди, мы получаем картинку «катышка», который они сперли первым…

Вначале информация поступала беспорядочно. *Другой формат картинки? Не совсем.*

— Картинка сделана в видимом диапазоне, Мири!

Еще немного — трансформация была закончена.

— Как… — от изумления девочка потеряла дар речи.

Указателя масштаба не было, но камера не могла охватить больше пары футов. «С точки зрения» катышка камера была просторным залом с высоким потолком, где столпилось множество белых мышей, их темные глазки блестели при свете…

… костра, который горел в центре зала!

— Полагаю, высший балл вы уже заработали, Мириам, — мягко сказал Уильям.

Мири не ответила.

Ряд за рядом мышей припадали к земле вокруг огня. Три мыши стояли в центре, на возвышении — поддерживали огонь? Он дрожал, мерцал, и больше походил на свечу, чем на костер. Но мыши, казалось, наблюдали не столько за огнем, сколько за хлебной крошкой. Маленькая хлебная крошка Берти была таинственным участником их собрания.

— Смотри! — Мири присела и уперлась локтями в колени. — «Foxwarner» снова загибают. Слабый огонь в таком пространстве… эти «мыши» должны давно отравиться угарным газом и умереть.

«Хлебные катышки» не посылают информации о спектре

излучения, так с чего она взяла?.. Хуан визуализировал систему туннеля. Точно, есть другие проходы, немного выше, и получить информацию об их полном объеме… Он подумал еще несколько секунд и передал задачу своей одежде.

— Нет. На самом деле, у них достаточно хорошая вентиляция.

Мири посмотрела на него снизу вверх.

— Вау… Какие мы быстрые.

— Твоя «Эпифани» сделает это в один момент.

— Верно. А до этого пять минут уйдет на постановку задачи.

Пришла другая картинка: свет огня на потолке.

— Мыши катят «шарик» к огню.

— По-моему, они в него просто тычутся в твой «шарик».

Еще картинка. «Катышек» снова развернулся и теперь «смотрел» в сторону широкого бокового отверстия, где появились еще три мыши… толкая перед собой «хлебный катышек», точно жуки-скарабеи.

Следующая — неясная: очевидно, «объектив» залепило грязью. Полупустая камера, все снова в тепловом диапазоне. Огонь был потушен.

— Что-то их встревожило, — сказал Уильям, снова припадая ухом к каменной стене. — Мне хорошо слышно, как они пищат.

— Наши «катышки» возвращаются! — воскликнула Мири.

— Мыши достаточно сметливы, чтобы понять, что рискуют отравиться, — голос Уильяма был мягким, в нем звучало неподдельное удивление. — До сих пор они хватали наши подарки, как маленькие дети. Потом заметили, что «катышки» появляются снова и снова… шарики продолжают появляться… и что-то их вспугнуло.

Были еще картинки, много картинок, но все в инфракрасном диапазоне — беспорядочные грязные пятна. Мыши толкались.

Огни маячков сдвигались ближе друг к другу, некоторые двигались в направлении входа в трех футах над землей. Другие приближались к первому отверстию.

Хуан приложил «дуло» зонда к скале и сделал несколько импульсов. Отраженный сигнал получился четким: у костей и мышц был совершенно разный коэффициент рассеяния.

— Большинство мышей движется от нас. Те, кто в хвосте, катят хлебные крошки… Нет! Уильям! За ними еще целая толпа, и они вылезут недалеко от твоей головы.

— Уильям, быстрее! Коробку… Может быть, удастся поймать несколько, когда они будут выскакивать из норы!

— Я… сейчас!

Уильям поднялся, вытащил коробку «FedEx» из своего мешка

и прижал к скале, накрыв лаз.

Еще секунда — и что-то слабо заскреблось. Секундой позже раздался слабый царапающий звук, и руки Уильяма дернулись, словно его опять настиг приступ. Хуан успел заметить мерцание меха и летящие «хлебные катышки».

Уильям захлопнул контейнер и отступил, когда еще три мышки выскочили из нижнего отверстия. На какое-то мгновение блестящие иссиня-черные глазки таращились на людей. Мири бросилась к ним, но они уже неслись что есть духу вниз по тропинке в направлении океана. Опомнившись, девочка посмотрела на Уильяма.

— Сколько ты поймал?

— Четырех. Эти малышки так спешили, что прыгнули прямо на меня, — он придерживал коробку закрытой. Хуан мог слышать слабые толчки изнутри.

— Супер, — сказала Мири. — Физические доказательства.

Уильям не ответил. Он так и стоял, задумчиво глядя на коробку. Внезапно он повернулся и зашагал немного вверх по тропинке — туда, где она расширялась, где кусты и сосны не заслоняли неба.

— Извини, Мириам, — и подбросил коробку высоко в воздух.

Минуту она была почти невидимой, а затем на дне вспыхнуло огненное кольцо — это заработали реактивные двигатели. Крошечные, раскаленные добела язычки света позволяли увидеть, как коробка качнулась и начала падать примерно в футе от скалы. Потом вышла из штопора и начала медленно набирать высоту, все еще раскачиваясь. Хуан мог представить, что чувствуют четверо крошечных живых пассажира, которые барахтаются внутри. Без единого звука — по крайней мере, слышимого человеческим ухом — контейнер поднимался все выше и выше, пламя тускнело и терялось в тумане. Осталось только бледное пятно, которое скрылось за стенами каньона.

Мири застыла. Казалось, она держала на чуть вытянутых руках что-то невидимое.

— Дедушка, *зачем?*

На мгновение плечи Уильяма Гу поникли. Потом он поглядел на Хуана.

— Держу пари, ты знаешь — верно, парень?

Хуан по-прежнему смотрел вслед контейнеру. Четыре мыши, уносящиеся в наполовину разорванной пластиковой коробке. Он понятия не имел, что представляет собой система безопасности почтового мини-узла «FedEx», но там, где у отправителей редко бывают нарекания к почтовой службе… Тогда мышам достаточно выбраться из Джамула — и у них есть шанс найти свое место в

мире. Он поймал взгляд Уильяма и быстро кивнул.

На обратном пути разговоров было мало. Наверху тропинка снова стала шире и мягче. Мири и Уильям шли, держась за руки. На щеках у девочки что-то поблескивало, но голос не дрожал, так что вряд ли это были слезы.

— Если мышки живые, мы сделали нечто ужасное, Уильям.

— Может быть. Мне жаль, Мириам.

— … но я не думаю, что они настоящие, Уильям.

Уильям не ответил. Спустя минуту Мири заговорила снова.

— Знаешь, почему? Взгляни на первую картинку, которую мы получили из мышиного «актового зала». Как-то слишком драматично. Никакой мебели, никаких украшений на стенках, но ведь ясно, что это *актовый зал*. Посмотри, как разместились мыши: совсем как люди на митинге в каком-нибудь старинном городе. И потом, в центре…

Взгляд Хуана скользил по картинке, о которой она говорила. Точно. Там в центре — почти как на сцене — стоят три крупных белых мыши. Самая большая встала на дыбы, словно и вправду работает на камеру. Одна лапка вытянута вперед, и в ней… что-то острое и длинное. То же самое, что и на других картинках, но поначалу ни он, ни Мири не пытались понять, что это такое. На этой картинке при естественном освещении было четко видно, что это оружие. Копье.

— Понимаешь, это намек, маленькая шутка «Foxwarner». Настоящее научное открытие не будет выглядеть как на постере… Ладно. Сегодня мы с Хуаном займемся отчетом для локального экзамена, и «Foxwarner» придется раскрывать карты. Так что самое позднее к обеду мы будем знамениты.

И мой маленький секрет тоже будет раскрыт.

Похоже, Мири поняла его молчание. Она потянулась и взяла его за руку, собрав всех вместе.

— Слушай, — ее голос звучал мягко. — Мы не знаем, что «Foxwarner» про нас напишет — если вообще что-нибудь напишет. Считай, что мы до сих пор в густом тумане. Кроме мышей, нас никто не видел. Итак, либо «Foxwarner» крут немерено, либо за нами вообще не следили.

Она указала на тропинку.

— Еще несколько минут — и мы возвращаемся в большой мир. Не исключено, что Берти поднимет бучу, а может быть, и «Foxwarner». Но это неважно — что, по-твоему, случилось на самом деле сегодня ночью… — Мири запнулась.

— … неважно, что случилось на самом деле, — подхватил Хуан. — Есть вещи, о которых нам всем не стоит болтать.

Мири кивнула.

* * *

Берти следовал за Хуаном всю дорогу от дома Мири до порога дома Орозко — спорил, подлизывался, доказывал. Он хотел знать, чего добилась Мири, что они делали, что видели. Когда Хуан слил ему техническую информацию о работе «хлебных катышков» — или «навозных шариков», — Берти совсем взбесился, выгнал Хуана из своей команды и отказался от всех связей. Что с него взять… Отморозок.

Переступая порог дома, Хуан уже знал, как при встрече с мамой сделать хорошую мину при плохой игре.

Этой ночью он спал как убитый, что довольно странно. Его разбудил утренний солнечный свет, заливающий комнату. Тогда он вспомнил.

Отморозок Берти.

Наверно, я свихнулся.

Это означало провалить свободный экзамен и потерять лучшего друга. Но вместо этого… сильнее всего он чувствовал, что наконец-то свободен.

Хуан натянул одежду, надел контактные линзы и спустился по лестнице. Обычно в это время он был по уши в сетевых новостях, становился частью мира, узнавал, что делали его друзья, пока он тратил время на сон. В конце концов, он займется этим и, как всегда, получит массу удовольствия. Но сейчас куда больше удовольствия доставляла тишина. Перед глазами мерцало целое скопление красных звездочек с ярлычком «просьба ответить» — большинство сообщений от Берти. Заголовки сообщений — случайные фразы… Впервые Великий Отморозок Берти не стал дожидаться, пока Хуан приползет на четвереньках.

Ма оторвалась от завтрака.

— Ты сегодня офф-лайн[40], — заметила она.

— Угу, — он опустился на стул и начал есть кашу. Па улыбнулся — вот у кого был отсутствующий вид — и продолжал жевать. Он ссутулился, взгляд был устремлен куда-то очень далеко.

Ма поглядела сначала на одного, потом на другого, потом по ее лицу мелькнула тень… Хуан выпрямился… и тут заметил, что она улыбается.

— Я просто устал от этих пеших прогулок… — внезапно он вспомнил кое-что очень важное. — Эй, спасибо за карты, Ма.

Она взглянула с недоумением.

— Мири обращалась в «411» за свежей информацией о Торри Пайнс.

— О! — Ма просияла. В Сан-Диего действовало несколько

операторов «Службы 411», но это была *ее* территория. — Тест дошел хорошо?

— *Dunnoyet*[41]… — очень долгая пауза. — Надеюсь, сегодня узнаю.

Он посмотрел на маму через стол.

— Эй, Ма… ты тоже офф-лайн?

Она состроила гримасу и слегка улыбнулась.

— Неожиданные каникулы. Киношники покинули свои резервации и решили попутешествовать.

— О…

Как и следовало ожидать — если, конечно, вся эта заморочка в Восточном крае имеет отношение к тому, что они обнаружили в Торри Пайнс. Мири могла принять списанный материал за гвоздь программы. Может быть, так и было. Но прошлой ночью они с Мири составили отчет исследования и сдали первый из двух параллельных экзаменов. Если она права относительно мышей, то в «Foxwarner», конечно, уже должны знать об их проекте — и что прикажете делать господам киношникам? Только выступить с официальным заявлением! Однако пока все было тихо… если не считать того, что Берти и еще несколько студентов завалили его запросами.

Уже к обеду. Так сказала Мири. Как много нужно времени, чтобы крупная киностудия вступила в бой. В реальности или в кино — они узнают потом.

А его собственная тайна? Он должен выйти наружу… или нет.

Хуан взял вторую порцию каши.

* * *

Поскольку экзамен был утром, Ма позволила ему взять машину до Фэрмаунта.

Он выехал в школу с запасом времени.

Экзамен по специализации проводился индивидуально, и делать запросы за пределы аудитории не разрешались. Как и на математическом экзамене у мисс Уильямс, руководство факультета умудрилось откопать какие-то древние темы, которыми благоразумный человек никогда не станет заниматься. Учитывая, что темой экзамена по специализации должно стать некое направление деятельности…

Сегодня…

Сегодня это была «Regna 5».

Когда-то давно, когда Па был еще студентом, а «Regna»

только появилась… Тогда техническим школам требовалось три года, чтобы подготовить специалистов, которые действительно могли бы работать с этим продуктом.

Теперь — пара пустяков!

Хуан провел два часа, просматривая руководства, соединяя практические навыки — и понял, что может приступать к основному заданию. Какая-то ерунда, связанная с кросс-корпоративным объединением…

В полдень он вышел с отметкой А.

notes

Примечания

1

Школьное образование в США включает 12 классов. Первые пять — «начальная» школа (elementary school) — 1–5 классы, «средняя» (middle) или «младшая высшая» школа (junior high school) — 6–8 классы, «высшая» школа (high school) — 9-12 классы. Герои рассказа — ученики восьмого класса — заканчивают «младшую высшую» школу и переходят в «высшую», где обучение больше похоже на подготовительные курсы для университета (появляются профилирующие предметы медицина, экономика, программирование, финансы и т. п.). Поэтому экзамены, которые предстоит выдержать, почти можно считать выпускными. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Пэтси (или — ее устами — мистер Вашингтон) говорит об Амиш Кантри — поселении эмишей (амишей, амманитов), последователей немецкого церковного реформатора Аммана, в Пенсильвании. Эти люди принципиально не пользуются электричеством, телефонами, фотоаппаратами и другой современной техникой, не допускают никаких украшений ни дома, ни на себе, не водят автомобили, пользуются гужевым транспортом.

3

«Не фига себе!» «Черт!» и т. п. (исп.)

4

Проект — самостоятельная (обычно экзаменационная) работа, которую в течение некоторого времени выполняют студенты или учащиеся.

5

В США приняты буквенные обозначения оценок. A — высший балл; C+ соответствует нашему «три с плюсом».

6

Уж не Терри ли Пратчетта, создателя Плоского мира?

7

Город в шт. Нью-Йорк. Здесь находится Правление компании IBM. Здесь же была создана первая ЭВМ.

8

Город в шт. Калифорния. 22 марта 2001 года (когда создавался этот рассказ) некий молодой человек устроил стрельбу в школе. К счастью, обошлось без жертв. Эль-Кахон находится в 9 километрах от калифорнийского города Сэнти, в котором 5 марта 2001 года 15-летний Чарльз Вильямс открыл в своей школе стрельбу, убив двоих и ранив 13 человек.

9

Разумеется, речь идет о Гермионе Грейнджер, подруге Гарри Поттера. Думаю, излишне напоминать, что Джоанн Кэтлин Роулинг написала книги о Гарри Поттере, а Спилберг снял по этим книгам фильмы.

10

Великолепно, шикарно (исп.)

11

Берти говорит о Massachusetts Institute of Technology — Массачусетском Технологическом Институте.

12

«Черт возьми» (произв. От Damn it)

13

Кондоминиум, кооперативный жилой дом, в котором квартиры принадлежат владельцам как частная собственность.

14

Станция, расположенная в определенной точке, закрепленная на местности с фиксированными координатами.

15

Компания, в которой работает мама Хуана, использовала распространенный рекламный трюк, взяв себе название, напоминающее о каком-то раскрученном брэнде — в данном случае, о «Службе 911».

16

United States Marine Corps — корпус Морской пехоты США.

17

Слово «gear» имеет много значений, в том числе: «механизм, приспособление»; «прикид»; «модная деталь одежды», «мужские гениталии».

18

Прозвище Мири получила неспроста. «Манчкин» — название породы коротконогих кошек (кошек-такс)… а кроме того, так называют участника ролевых игр, который играет ради того, чтобы выиграть, добиться победы над остальными, а не ради командной игры и удовольствия от отыгрывания роли.

19

В Колд Спринг Харбор находится Институт Карнеги, в частности — знаменитая генетическая лаборатория.

20

Вероятно, эта кинокомпания образовалась при слиянии «Warner Brothers» и «Fox Pictures».

21

Не знаю (исп.)

22

Один из самых популярных в мире многопрофильный справочник по всем видам вооружения, бронетехнике, а также системам обороны и безопасности, транспорта и т. д. Выпускается с 1898 года.

23

Фамилия Берти звучит так же, как «toad» — «жаба».

24

Город в шт. Иллинойс, на побережье оз. Мичиган, северный пригород Чикаго.

25

В Форт Миде (шт. Флорида) расположен штаб Агентства Национальной Безопасности США.

26

Преподаватель, который наблюдает за студентами во время экзамена, но сам экзамен не принимает.

27

Город в шт. Калифорния.

28

Господи! (исп.).

29

Сокр. от «VISual AMPlifier» — усилитель частот видеодиапазона.

30

Деблокиратор — программа, позволяющая обеспечивать подключение услуг или других функций в системах связи.

31

Именно так переводится название парка.

32

Часть ИК-спектра, ближняя к визуальному (30-3000 мкм).

33

Лазер, работающий в ближнем инфракрасном диапазоне (см. предыдущую ссылку).

University of California San Diego — Калифорнийский Университет Сан-Диего, с которым связаны многие герои Винджа.

35

На самом деле, и крысы, и мыши. Главная героиня этого мультипликационного фильма, созданного Доном Блаттом по мотивам сказки Роберта С О'Брайена (1982 г.) — мышка-домохозяйка, которой приходится стать настоящей героиней, спасая свой домик и мышат. А помогают ей в этом на редкость мудрые крысы, чье государство очень напоминает Страну Оз. В 1998 г. вышло продолжение — «Секрет NIMH-2: Освобождение Тимми», снятый без ведома Блатта и значительно уступающий первому фильму. Ходили слухи о приквеле с названием «Секрет NIMH-3: Начало», который планировали выпустить в 2001 году, но фильм так и не появился на экранах.

36

Аниматроник (animatronics) — кукла-робот, «играющая» в художественном (не анимационном) фильме. Пример — «Е. Т.», «Челюсти», «Парк Юрского периода» и т. д.

37

Долина р. Йосемити-Крик, на западном склоне хр. Сьерра-Невада (США, шт. Калифорния), в Йосемитском национальном парке.

38

Низший балл, «неудовлетворительно».

39

Здесь — многолетнее медицинское исследование, в котором в качестве испытуемых принимают участие жители, например, целого города. На первом этапе обследуются люди определенной возрастной группы; затем, по достижении такого же возраста, обследование проходят их дети и, наконец, внуки. Первой такой эксперимент поставила научная группа Национального Института Сердца, Легких и Крови в США, а сам проект был реализован в городе Фрэмингхэме, шт. Массачусетс (т. н. Framingham Heart Study).

Это выражение означает не только «не в сети», но и «вышел из строя», «отключенный», «отсутствующий».

41

Еще не знаю (исп.).